

№11

Ноябрь 2006

УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ВЛАСТИ ССОРЯТСЯ –
НАРОДЫ ДРУЖАТ

Внешторгбанк
энергия успеха

www.vtb.ru

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№11⁽¹⁴⁾
Ноябрь 2006

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge

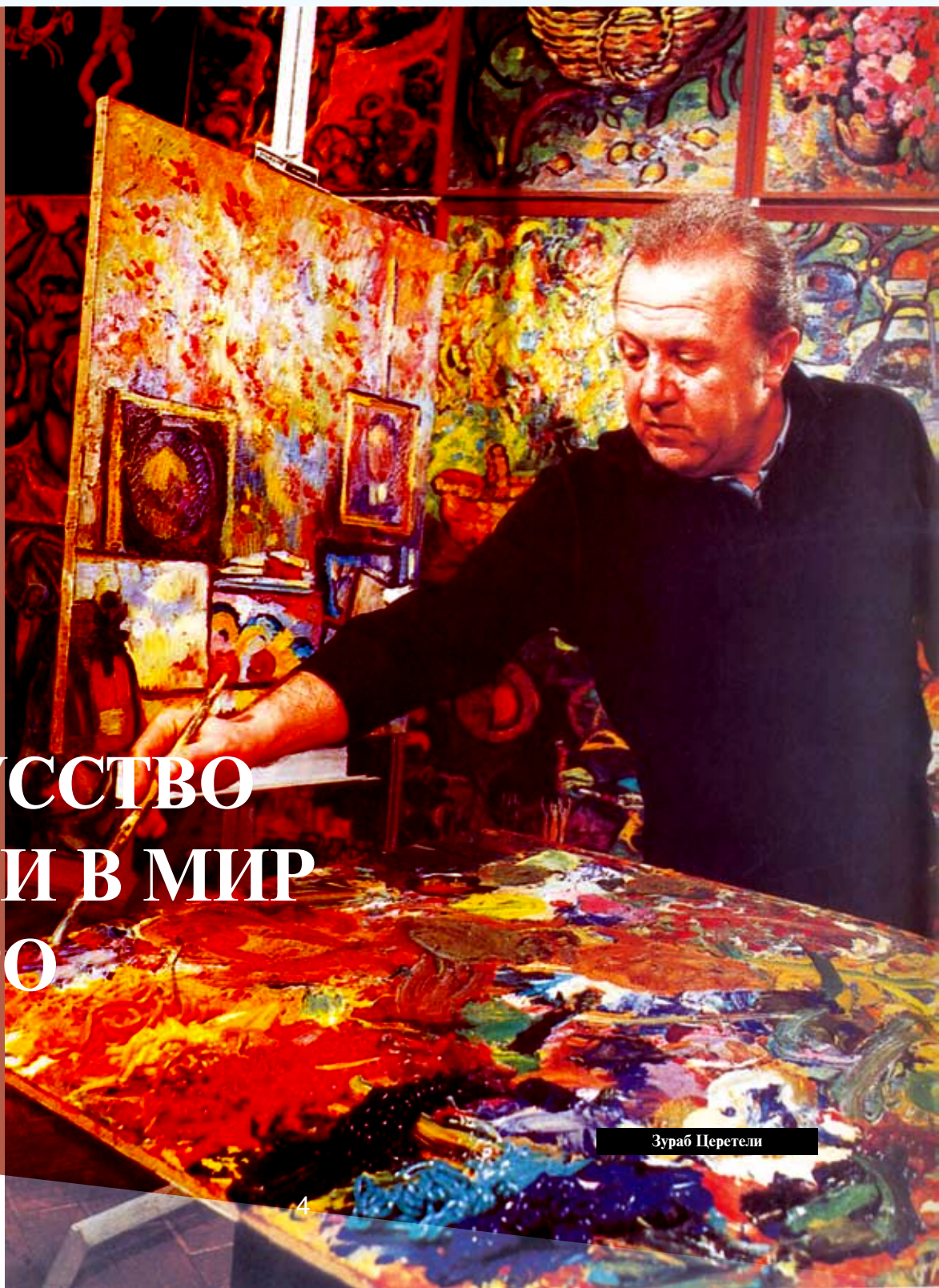
СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ИСКУССТВО НЕСТИ В МИР ДОБРО	4
РЕАКЦИЯ	ВЛАСТИ ССОРЯТСЯ – НАРОДЫ ДРУЖАТ	10
РЕАКЦИЯ	ПОТЕРЯ ЛИЦА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ	12
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	СОКОЛЬНИЧИЙ ГРУЗИНСКОГО СЛОВА	14
РЕАКЦИЯ	ИЗ РУНЕТА С ЛЮБОВЬЮ	19
ЮБИЛЕЙ	«ТЕАТР ДОЛЖЕН ЖИТЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ»	22
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	«ДЛЯ ЛЮБВИ НЕТ СРОКА - НИ МАЛЕНЬКОГО, НИ БОЛЬШОГО»	26
ЗНАЙ НАШИХ!	ЦЕНЮ ПРОСТОТУ И ОТКРЫТОСТЬ	30
НАГРАЖДЕНИЕ	ЭТО ВДУМЧИВОЕ, МЕДЛЕННОЕ КИНО	35
ПАЛИТРА	ДАЛАОБА	36
ЛЕНТА ПАМЯТИ	МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ	38
СВЕРХЗАДАЧА	ПРИШЕЛЕЦ ИЗ МУЗЫКИ	40
О, СПОРТ!	ПРАЗДНИК СВОБОДНОГО ПОЛЕТА	42
НОСТАЛЬГИЯ	«ГРУЗИЮ ЛЮБЛЮ ДАВНО, ГЛУБОКО И НЕЖНО»	44
ТРАДИЦИЯ	ЦВЕТЫ ДЛЯ ЮБИЛЯРОВ	46
ДИАЛОГ КУЛЬТУР	СОЮЗ РАСПАЛСЯ, ДРУЖБА ОСТАЕТСЯ	48
ПРИЗНАНИЕ	УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ	52
	ТБИЛИСОБА – 2006	54

Церетели Зураб Константинович. Родился 4 января 1934 года в Тбилиси. В 1958 году окончил Тбилисскую Академию художеств. Художник-монументалист, скульптор, живописец, график и дизайнер. С конца 1960-х гг. начал активно работать в области монументального искусства, монументальные работы художника находятся во многих странах мира: России, Грузии, США, Испании, Франции, Португалии, Японии, Великобритании, Сирии, Турции, Уругвае, Израиле и Италии.

Герой Социалистического Труда, народный художник Российской Федерации, народный художник Грузии, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии, дважды лауреат Государственной премии СССР, лауреат

ИСКУССТВО
НЕСТИ В МИР
ДОБРО

Зураб Церетели

«Образы Родины»

реат Государственной премии России, профессор Брокпортского университета изящных искусств (штат Нью-Йорк, США), лауреат премии Пикассо, кавалер российских орденов «За заслуги перед Отечеством» III степени и Дружбы народов, действительный член Академии художеств СССР. Зураба Церетели первым из россиян 19 июня 2002 года приняли в члены-корреспонденты Французской академии искусств.

Спокойно поговорить с Зурабом Константинович можно только с 6 до 9 часов утра, когда он, отключив телефоны, пишет картины «для души». Пишет и отвечает на вопросы.

- У вас множество знаний и должностей, тьма общественных обязанностей. Если бы пришлось выбирать что-то одно, кем бы вы себя назвали, какая из ипостасей наиболее важна для вас?

- Президент Академии художеств - без колебаний. Академия - наше прошлое, традиции и будущее. Я разработал устав академии на основе того, что в 1764 году утвердила Екатерина Великая. У нас лучшая в мире классическая школа живописи, и я хочу, чтобы выпускники наших вузов умели рисовать, лепить и чеканить, чтобы создавали музейные вещи, чтобы их работы были продиктованы не политикой, но талантом, перспективой, пространством. Я слишком хорошо знаю, сколько в СССР было уничтожено прекрасных работ, сколько загублено художников в угоду идеологии! В «красном огне» погибли картины моего дяди - живописца Георгия Нижарадзе. Их уничтожили лишь потому, что ав-

- жанр, в котором ментально видишь не номинальную, а реальную стоимость художника, и яркая, завораживающая магией цвета живопись, и эмалевые панно... Думаю, мастер мог бы обрести свою славу, занимаясь только графикой или живописью...

- Это невозможно. Главное - искусство, а выбираю холст, краски, бумагу или карандаш, металл или мозаику - зависит лишь

от того, в каком материале в тот или иной момент наиболее точно воплотится мой замысел. Мне все интересно. Остановился бы я, скажем, на графике - не возродил бы древнюю технику перегородчатых эмалей и не сделал бы серию дорогих для меня горельефов, в которых попытался осуществить мечту великого художника Андрея Рублева, желавшего, чтобы фрески проснулись, чтобы икона обрела объем. А начинал я как рисовальщик. Это первая любовь, и я никогда не расстаюсь с альбомом и карандашом, рисую в салоне самолета, на заседаниях, даже в машине, когда не сам

тор был сыном троцкиста. Я сам имел неприятности при выпуске из Тбилисской академии в 1958 году. Мою дипломную работу «Песнь о Тбилиси» одобрил Мартирос Сарьян, но к защите ее не допустили. Представляете, до защиты несколько дней, а в моей работе находят «элементы условности!» Ну что делать? Попросил своего друга скульптора Алика Ратиани попозировать, написал «Портрет спортсмена» и получил диплом. Я сделаю все, чтобы такое никогда не повторилось.

- Творчество Церетели, ранее известное широкому кругу зрителей в основном по его скульптурным работам, теперь можно увидеть и оценить во всем многообразии в Галерее искусств на Пречистенке, 19. Здесь и графика

«Встреча»

за рулем. Первым опытом синтеза монументального и декоративного искусства стал курортный комплекс в Пицунде. Я уже был знаком с Пабло Пикассо, который занимался всем – керамикой, литьем, росписью по фарфору. Я видел, как Марк Шагал делал витражи, и понял, что не должен себя ограничивать, что могу заниматься всем. В сущности, мозаика и витраж – та же живопись, только вместо красок кусочки смальты или стекла.

– Один из горельефов – ваш автопортрет, сделанный с изрядной долей самоиронии. При ваших-то регалиях могли бы к себе и с большим пиететом отнестись!

– Слишком серьезное отношение к себе – признак душевной старости, а я у себя такого, к счастью, не наблюдаю.

Несмотря на то, что Зураб Церетели отметил 72-летие, до старости ему, по кавказским меркам, действительно далеко. Отец художника полгода не дождался до ста, до последних дней делал гимнастику из тридцати лично разработанных сложных упражнений и каждый день ходил пешком за несколько километров на кладбище к единственной любимой – своей жене. Она, Тамара Семеновна Церетели, стала жертвой кровавой драмы, разыгравшейся во времена Звиада Гамсахурдиа. Тогда Зураб Церетели принял в своем доме Джорджа Буша вопреки желанию президента Грузии. Тот не замедлил отомстить. В Тбилиси уничтожили монумент работы Церетели, в окно московской мастерской бросили бутылку с зажигательной смесью (при пожаре сгорело около ста работ, еще десятки были испорчены), а самого художника объявили врагом народа. Услышав страшную весть, мать художника скончалась от сердечного приступа. Зураб Константинович тоже, как и отец, пережил свою вечную любовь.

– Инесса чуть-чуть не дождалась до моей первой персональной выставки в Москве, о которой мы вместе мечтали. И я посвятил ее ей. Она была для меня всем – женой, другом, музой. У Инессы было больное сердце, и врачи не советовали ей иметь детей. Но она все-таки родила нашу чудесную дочь. Лика – художница, искусствовед, мой самый верный помощник. А теперь у меня есть два внука, внучка и два правнука.

– Внуки тоже связаны с искусством?

– Старший, Василий, – хороший художник, одаренный музеевед. Сейчас он является исполнительным директором Музея современного искусства. Младший, мой тезка, еще учится, но тоже хорошо рисует, лепит, пишет стихи, да и маленькая Виктория уже тянется к карандашу. Жена Василия, Кира, – дизайнер одежды.

– Я знаю, они венчались в построенной вами часовне на Поклонной горе, ведь комплекс на Поклонной горе – ваша любимая работа?

– Это была огромная честь для меня – увековечить великую трагедию народов.

– Тема Великой Отечественной войны – одна из главных в вашем творчестве?

– Особая. Мне было семь лет в сорок первом, и я, конечно, не мог прочувствовать всю трагичность вой-

ны, но слезы мамы и бабушки, их постоянную тревогу за отца, который воевал на передовой, – это я хорошо понимал. Мы жили в старом грузинском дворе. Знаете, что это такое? Все живут одной семьей – армяне, русские, евреи, грузины, у всех кто-то на фронте, во дворе вслух читают «треугольники», когда приходит похоронка, все женщины вместе плачут.

– Что еще помните о войне?

– Постоянное желание съесть конфету или хотя бы кусочек сахара. Мы голодали. Помню, на балконе, на солнце сушили сухарики из черного хлеба, это было уже в самом конце войны. Во двор заходили пленные немцы, такие несчастные, просили есть, и я им кидал эти сухари. Отец удивлялся – куда они деваются, я честно признался. Отец не ругал, сказал, что это хорошо: быть милостивым к поверженному врагу. Он вернулся еще до Победы, потому что его в окопе буквально прошел навывлет осколок снаряда. Он долго лечился в госпитале, потом его демобилизовали по

ранению. Осколок привез домой, всем показывал, а потом мама его выбросила, чтобы не напоминал постоянно о ране отца.

– На Поклонной горе вы поставили еще и храм Святого Георгия великомученика, покровителя воинов. До этого в мемориалы воинской славы в России церкви, кажется, не входили?

– Правда, мой был первым. Но, считаю, это правильно – дать людям возможность помолиться, поставить свечи за своих отцов, за всех погибших.

Из цикла «Париж»

- Вы посол доброй воли ЮНЕСКО. А какой город любим вами больше других?

- Москва. Здесь я прожил большую часть жизни - лучшие годы молодости и зрелости. К тому же Москва - не чужой для грузин город. Они селились здесь с XVII века, а в XVIII веке уже существовала большая колония - Грузинская слобода. Я живу как раз на месте этой слободы, на Большой Грузинской улице. Многие сыны Грузии отдали России свою доблесть и талант, стали ее славой и гордостью. Кстати, одним из ближайших соратников молодого Петра Первого был грузинский царевич Александр Арчилович.

- А сегодня Россия и Грузия так трагически разобщены...

- Думаю, это ненадолго. Они как муж и жена, которые слишком долго и спокойно жили вместе и устали друг от друга. Теперь им надо пожить врозь, чтобы окончательно убедиться: разлучаться нельзя.

ую до трех-четырех часов утра. Так вот отдыхаю.

- А когда выдается время для отдыха в общепринятом смысле, как его проводите?

- Встречаюсь с друзьями. Особенно рад, когда удастся встретиться с одноклассниками, с ними я отдыхаю душой. Люблю доброе застолье с хорошими людьми.

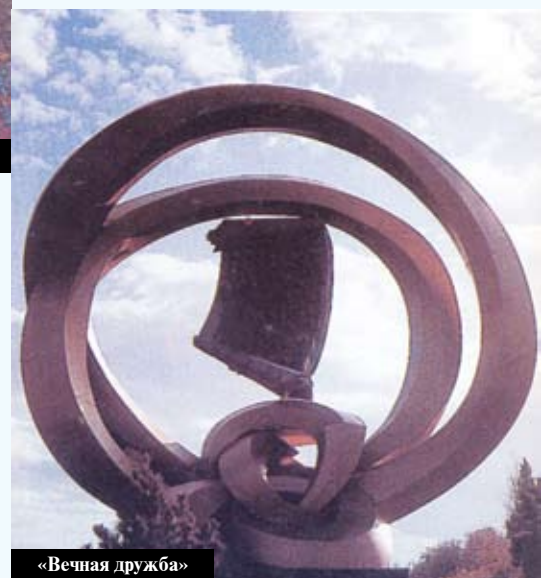
- Чтобы создать такое огромное количество скульптур, картин, графических листов, эмалей, обычному человеку потребовалось бы, наверное, лет сто напря-

- Помнится, когда-то у въезда в Тбилиси вы поставили монумент «Дружба навеки»: два позолоченных обручальных кольца, соединивших узлами верности Россию и Грузию. Теперь он разрушен.

- Да, но его история так просто не закончилась. Он не рассыпался в крошки, остались целые части. Люди сберегли их. Так, крест стоит сейчас во дворе моей мастерской. Вам не кажется это символичным? Я уверен, что обеты дружбы и верности, данные перед Богом, нельзя разрушить.

- Вы успеваете так много! Как обычно проходит ваш день?

- Когда я в Москве и ничего экстремального не происходит, встаю очень рано, до 9 часов работаю в мастерской, к 10 прихожу в офис, примерно к часу приезжаю в академию, а там... день затягивается до глубокой ночи. Иногда так устану от административных дел, что, вернувшись домой, иду в мастерскую, включаю музыку и ри-

«Вечная дружба»

женной работы. В чем секрет вашей невероятной работоспособности?

- Нет никаких секретов. Может быть, дело в том, что мне интересно работать. Чем больше я работаю, тем больше чувствую прилив сил, энергии, тем больше мне хочется сделать. Спортом специально не занимаюсь, правда, зарядку делаю, штангу поднимаю. Работа скульптора сама по себе требует большого физического напряжения.

- Много неосуществленных планов?

- Много, и чем больше задумок реализую, тем больше появляется новых. Двадцать лет у меня перед глазами стоит картина, которую я мечтаю перенести на холст. В моем тбилисском доме проводили медовый месяц Марина Влади и Владимир Высоцкий. И однажды я увидел великолепную сцену: Марина в белом платье, с развевающимися волосами стоит на балконе, у ее ног Володя с гитарой, а в дверях, замерев, слушает его пение моя большая черная собака. Я должен написать эту картину. Многое надо еще сделать... Я не мог не выразить сочувствия жителям Нью-Йорка в связи с трагедией 11 сентября. Это наша общая трагедия, и идея монумента «Памяти жертв терроризма во всем мире» возникла у меня сразу же после страшных взрывов. Могу, наверное, гордиться, что первым из художников передал президенту США свой проект. Пока еще не поставил хрустальную часовню на Манежной площади. Все денег нет: оптическое стекло, хрусталь дорого стоят... Может быть, не стоит дальше перечислять, пусть что-то станет сюрпризом.

- Сейчас все пишут книги. Вы не собираетесь засесть за мемуары?

- Собираюсь, я уже созрел для этого. Хочу написать о своей жизни, о работе. Что-то вроде «Я и моя палитра». Расскажу о своих проектах, об уникальных технологиях, которые сам разработал и использовал.

- Вы создали множество памятников разным великим людям. Говорят, что в каждом портрете есть толика автопортрета. Кто из ваших героев наиболее близок вам?

- Петр Первый. Во-первых, он тоже был художником, во всяком случае, так считал Сальвадор Дали, написавший, что «самым великим художником России был Петр Первый, который нарисовал в своем воображении замечательный город и создал его на огромном холсте природы». Мне близки его мужество, новаторство, бурный темперамент. Я, как и он, не боюсь никакой работы, я так же знаю, что должен делать, и делаю это, не боясь осуждений, трудностей и даже неудач.

Ругать монументы Зураба Церетели стало едва ли не хорошим тоном. Призывали снести монумент Российской-грузинской дружбы на Тишинской площади в Москве.

О памятнике княгине Ольге во Пскове говорили, что она «не похожа на Ольгу» (наверное, это были друзья-современники, хорошо знавшие ее в лицо). Вокруг «Петра»

«Владимир Высоцкий»

стояли пикеты с плакатами «Долой памятник Петру!» Но вот провели социологический опрос, и оказалось, что 70 процентов москвичей за то, чтобы монумент «300 лет Российского флота» (так официально он называется) стоял. Противники Церетели сразу пошли на попятную и побоялись настаивать на референдуме, ведь это означало бы, что жить ему вечно: по Конституции отменить решение референдума никто не может.

- Вы создаете новые рабочие места, на которые, наверное, претендуют представители грузинской диаспоры в Москве. Многие из них обращаются к вам за помощью?

- Что касается работы лично у меня, то я беру только профессионалов высокого класса, независимо от национальности. И также помогаю любому, если могу хоть что-то сделать. Иногда моей готовностью прийти на помощь злоупотребляют. Но я живу по законам христианской морали, считаю - пусть это останется на их совести, и все равно никому не отказываю. На свете есть две вещи, которые я не могу не делать: я не могу не рисовать и не помогать людям.

Пытаясь объяснить феномен Церетели, я вспомнила любимую французами поговорку, основанную на том, что имя их знаменитого философа Жан-Жака Руссо означает «рыжий дурак». Так вот они говорят: «Ты можешь быть Жан, ты можешь быть Жак, можешь быть рыжим дураком, но ты все равно - не Жан-Жак Руссо». Так и тут - будь художником, меценатом, Зурабом, но не будешь Зурабом Церетели, потому что он не просто художник, общественный деятель, он - явление в нашей культуре. Он создал особый - напряженный, страстный, динамичный, светский стиль современной художественной жизни. Он работает по двенадцать часов в сутки и не боится хотеть всего и сейчас. Он вообще ничего не боится. И эта великолепная смелость позволяет ему создавать свой мир созидания и добра, потому что он Зураб Церетели.

- Как возникла идея Музея современного искусства?

- Какая тут идея! Только боль от того, что в Нью-Йорке, например, восемь таких музеев, а в России, чей авангард и андеграунд гремят на весь мир, музея современного искусства не было! Все было сложно. Бюджетных средств не было, все делал сам, все расходы на себя взял - так хотелось открыть музей. Основой стала коллекция картин, собранных моей семьей (живопись коллекционировали мой дед, отец, родственники жены), кроме этих 800 полотен, в музей поступили собрания наших сотрудников. Все остальное я приобретал в частных галереях, на аукционах по всему миру: из Германии привез 300 работ, из США - 95, из Израиля - 12... Я рад, что вернулись на родину произведения участников «бульдозерной выставки», авангардистов. Теперь могу хвастать, что в Эрмитаже один Малевич, а у нас - шесть! Кроме того, наш музей - первый в России музей нового типа, не уступающий лучшим современным музеям Европы и Америки. Считаю, что его филиалы должны быть также в Вашингтоне, Нью-Йорке, Париже, Санкт-Петербурге, Тбилиси.

- Вы много работаете за границей, а просто так, без дела, путешествуете?

- Мои работы стоят в 18 странах мира, я скучаю по ним и навещаю время от времени.

- Вы дарите городам и странам музеи и монументы, много занимаетесь благотворительностью да и просто, я знаю, раздаете деньги нуждающимся! Все это обходится ведь недешево?

- Ну, знаете, я ведь все-таки профессор нескольких университетов, выполняю немало серьезных заказов за границей, все это весьма солидно оплачивается. Я не

из тех людей, что складывают деньги в кубышку, все гонорары трачу моментально, порой и в долги залезаю, что делать!

27 февраля в Московском Манеже открылась выставка произведений Зураба Церетели. И хотя художник уже отметил 50-летие творческой деятельности, это всего лишь вторая крупная выставка его работ в столице России (первая состоялась в 1998 году в Малом манеже). Показу в Манеже предшествовали выставки в Санкт-Петербурге, Туле, Ярославле, Липецке, Вологде. И везде они становились открытием, шоком для зрителей. Посетители признавались, что поражены разнообразием творческих интересов, многогранностью таланта мэтра. Выставка в Манеже также удивила всех. Признаюсь, что я была потрясена масштабом экспозиции, ее эмоциональным воздействием, а ведь я часто бываю в галерее Церетели, посещаю все его выставки и, казалось бы, знала, чего ожидать. Свыше двух тысяч работ: скульптура, живопись, авторская графика в технике шелкографии, эмали, горельефы, и даже еще не осуществленные пока мечты, например, макет Детского парка чудес - такое способно потрясти даже очень продвинутого зрителя!

- Да, решил вот отчитаться перед россиянами, показать все, на что способен, свою творческую кухню, свои работы и задумки на будущее, - говорит Зураб Константинович.

- Какой эпитафия выбрали бы вы для этой экспозиции?

- Строку моего любимого Шота Руставели: «Все мгновенно в этом мире, неизбывна доброта». Убежден, что искусство несет в мир добро.

- Почему вы никогда не продаете свои полотна, у вас же их несколько тысяч?

- Я их храню в надежде когда-нибудь устроить одновременно в Москве, Париже и Тбилиси три грандиозные выставки живописи. Но на самом деле я время от времени продаю свои работы на благотворительных аукционах, выручка от которых идет на помощь обездоленным детям.

- На выставке было представлена метровая объемная скульптура из эмали. Таких, кажется, еще никто не создавал?

- Когда-то в древней Византии создавали. Но ни одна до нашего времени не дошла. Я возродил технику античных мастеров.

- Сложные отношения между Россией и Грузией не помешали вашим друзьям из Тбилиси приехать на вернисаж?

- Мои друзья далеки от политики, настоящей дружбе вообще ничто помешать не может.

ТАТЬЯНА БАСОВА

ВЛАСТИ ССОРЯТСЯ – НАРОДЫ ДРУЖАТ

- Я думаю, что эта кампания скоро пойдет на убыль, потому что она слишком опасна для самой власти, - сказал по телефону в интервью корреспонденту журнала «Русский клуб» Инне Кулишовой известный журналист **Леонид Радзиховский**. - Разбудить такие страсти ничего не стоит - народ к ним давно готов, только дай отмашку. Но потом их утихомирить... Отмашку этой кампании, к сожалению, дал лично президент Путин. Говорить о коренном и некоренном населении, особенно в такой стране, как Россия, очень опасно. И я надеюсь, что они сейчас осознают и постараются открутить назад. Но меня это мало утешает по многим причинам. Кроме того, в России скоро начинаются парламентские выборы. И хотя у нас демократии нет, и ори-

ентируются не на мнение народа, толпы, но к этому мнению, тем не менее, прислушиваются. Все политики стараются заиг-

Леонид Радзиховский

рывать с ним. А заигрывать они будут, очевидно, именно разыгрывая именно эту карту. Кто первый начнет - неважно, но важно, что все остальные будут вынуждены этой моде следовать. И абсолютно ничего нормального из этого, конечно, получиться не может. В России это просто абсолютное безумие. Тех же националистов, которые кричат о рынках, грузинах и так далее, «поскреби» - и выяснится, что бабушка у него еврейка, дядя - армянин, а у жены двоюродный брат - грузин. Россия не та страна, где вообще такое в принципе можно делать, потому что это приведет только к невероятному уровню ненависти в обществе, ненависти взаимной, которая будет выплескиваться наружу. Такая игра закончится страшной для России трагедией. И это, конечно, напоминает 1905 год, когда Николай II сделал ставку на черносотенцев. Ему говорили: вы делаете безумную вещь, потому что сегодня они громят евреев, а кого они будут громить завтра? Он отвечал: «Я знаю свой народ». Вот он его в 1917 году и узнал. Поэтому самое опасное, самое неутешительное, что можно

Сергей Юрский

сделать в России - разжигать эту безумную ксенофобию. Но, к сожалению, первый, хотя и маленький, шаг в этом направлении уже сделали. Они, конечно, постараются еще раз сделать шаг назад, но, боюсь, шаг назад будет сделать гораздо труднее.

- Шаг назад и два вперед?

- Примерно так. Это вообще для политики нормально. Политика всегда состоит из колебаний, движений.

- Смотря в какую сторону шаги делать...

- Да, но разыгрывать националистическую карту в России - просто чистое безумие. Это в тысячу раз хуже, чем испортить отношения с Грузией, Украиной, Америкой - с кем угодно. Внешняя политика - это внешняя политика. Ладно, вы можете портить отношения, ругаться... Скажем, была шпионская история с Грузией, из пальца высосанная вообще, арестовали шесть, или сколько там, российских шпионов - ну арестуйте 26 грузинских дипломатов, обменяйте их и забудьте. Нет, надо было лезть на рога, орать... В конце концов, это внешняя политика, но переносить это внутрь страны и делить своих граждан на первый и второй сорт, на коренных и некоренных - чистое безумие. Я очень надеюсь, что все-таки в Грузии, что бы там ни было, хватит ума подобных вещей не делать.

Выдающийся российский актер **Сергей Юрский** от волнения сначала просто не мог найти слов.

Александр Эбаноидзе

- Вы звоните из Тбилиси? Я в ужасе от того, что происходит! Для меня это оскорбление мое, меня, лично. Оскорбление - то, что позволяют себе говорить и делать многие русские люди в нашей стране по отношению к Грузии. Они меня оскорбили этим. Я в ужасном настроении, потому

что сама интонация недопустима! Я уж не говорю, что существо вопроса ужасно. Я не могу в нескольких словах сказать, не могу - через телефон, через расстояние.

- Есть ли у вас хоть какая-то надежда, что все уляжется?

- Да, конечно. Это уляжется, потому что стираются и обиды, и события, и оскорбления. Конечно, уляжется. Но шрам останется! Шрам - дело отвратительное, он портит внешность.

- Как сказал Борис Акунин, «дело не в отмене рейсов и не в экономических или дипломатических шагах, а в том, что происходит в России, какой след останется в массовом сознании от всей этой грязи»...

- А как же!

- Сегодня молодежь России и Грузии так мало знает друг о друге, люди стали забывать многое...

- Я это подтверждаю. Потому что иначе нельзя объяснить тот массовый психоз у нас, который я слышу по радио, читаю в газетах, подхватывающий, может быть, даже одно грубое, одно ошибочное слово, и вот этот подхвативший хор приводит меня в ужас.

- Сергей Юрьевич, вы не раз говорили, что закончилась эпоха Пушкина. Почему?

- Да, она закончилась. Потому что происходит то, о чем мы с вами уже говорили.

- И это необратимый процесс?

- Да. Жизнь движется своей линией.

- Тогда что же будет с нашей поэзией?

- Будет следующая эпоха, в которой мы либо сможем жить, либо не сможем.

- История отношений России и Грузии так богата лучшими именами этих двух народов, что нынешнее состояние отношений между двумя государствами противостоит, - говорит главный редактор журнала «Дружба народов» Александр Эбаноидзе. - Но я уверен, находясь в эпицентре событий, весьма тягостных проявлений, скажем так, национально-го невроза, я имею в виду Россию, что вскоре все изменится к лучшему. Я уже замечаю приметы из-

Олег Воловик

менения отношений в сторону успокоения и не сомневаюсь, что именно в этом направлении пройдут ближайшие два-три месяца, и я надеюсь, хочу верить, что ситуация стабилизируется, и отношения двух дружественных народов вернутся в прежнее русло...

- Какие приметы вы сегодня наблюдаете?

- Например, некоторые сю-

жеты по телевидению, весьма обаятельные, направленные в адрес Грузии. Был большой документальный, стилизованный под сюжетный детектив, инсценированный фильм про Пиросмани, предстоит концерт Александра Корсантия с музыкой Баланчивадзе, о чем объявлено очень торжественно, выходит последний роман Отара Чиладзе «Годори». Короче говоря, культурная среда напоминает всему сообществу, все-таки пока достаточно не адекватному в этом смысле, что должно быть на самом деле.

«Дорогие грузинские друзья! Не называю поименно, но обращаюсь и к вам, и к вашим друзьям, мне незнакомым.

Нам очень стыдно за то, что происходит сейчас в России. Нам стыдно за наших больших начальников, и за начальников поменьше, и за всю свору подчиненных бессловесных статистов, которые проверяют фамилии детей в школах, проводят по свистку выборочные налоговые и прочие инспекции у грузин, которые десятилетиями жили в Москве, лишают возможности общения, возможности оказывать помощь - мы ведь прекрасно знаем, как трудно жил Тбилиси последние годы, и как важна была для выживания помощь родственников и друзей, живущих за пределами Грузии.

Мы надеемся, что это помрачение пройдет, и мы сможем снова общаться за общими столами с грузинским вином и русской водкой с прежней теплотой и пониманием.

Мракобесы приходят и уходят, а культурное пространство, в котором мы столько лет плодотворно взаимодействовали, остается. С любовью и уважением, Людмила Улицкая».

(Людмила Улицкая, лауреат одной из самых престижных премий в мире литературы - «Букер», а также европейских наград - французской премии Медичи и итальянской Джузеппе Ачерби, чьи книги переведены по меньшей мере на 17 языков и пользуются фантастическим успехом в мире)

Обращение российских писателей:

«Для нас, творческих работников, народ Грузии всегда был, остается и будет одним из тех народов, который нам особенно близок. Мы любим его литературу, кинематограф, музыкальную культуру, так много значащие для русской культуры.

Нашему народу не к лицу стремление ретивых чиновников перейти сегодня к привычным для них националистическим выпадам. Это неприлично.

Даниил Гранин, Яков Гордин, Нина Катерли, Борис Стругацкий».

Глубочайшее сожаление, удивление, недоумение вызывают новые «отношения» России и Грузии. На глазах разрастается снежный ком взаимных обид, как песок сквозь пальцы, вытекают, казалось бы, незыблемые ценности, накопленные за сотни лет двумя братскими православными народами. Невыносимо взирать, как рушатся сотканые теплом сердец грузин и русских мосты взаимного доверия, уважения и любви, кропотливо построенные не их разрушителями, и ох как задолго до их появления на свет! Верю в человеческий разум, и потому убежден, что политические амбиции и позы, безответственные заявления, поспешные исполнения ошибочных решений - уступят место народной мудрости, зазвучат окрепшие голоса интеллигенции, литераторов, деятелей науки, культуры, не допуская гуманитарных потерь, которые могут стать невосполнимыми, ибо прав был Евгений Евтушенко, сказав однажды:

О Грузия - нам слезы вытирая,
ты - русской музы колыбель вторая.

О Грузии забыв неосторожно,
в России быть поэтом невозможно.

ОЛЕГ ВОЛОВИК.

Писатель. Президент Фонда культурного и духовного наследия. Будапешт, Венгрия.

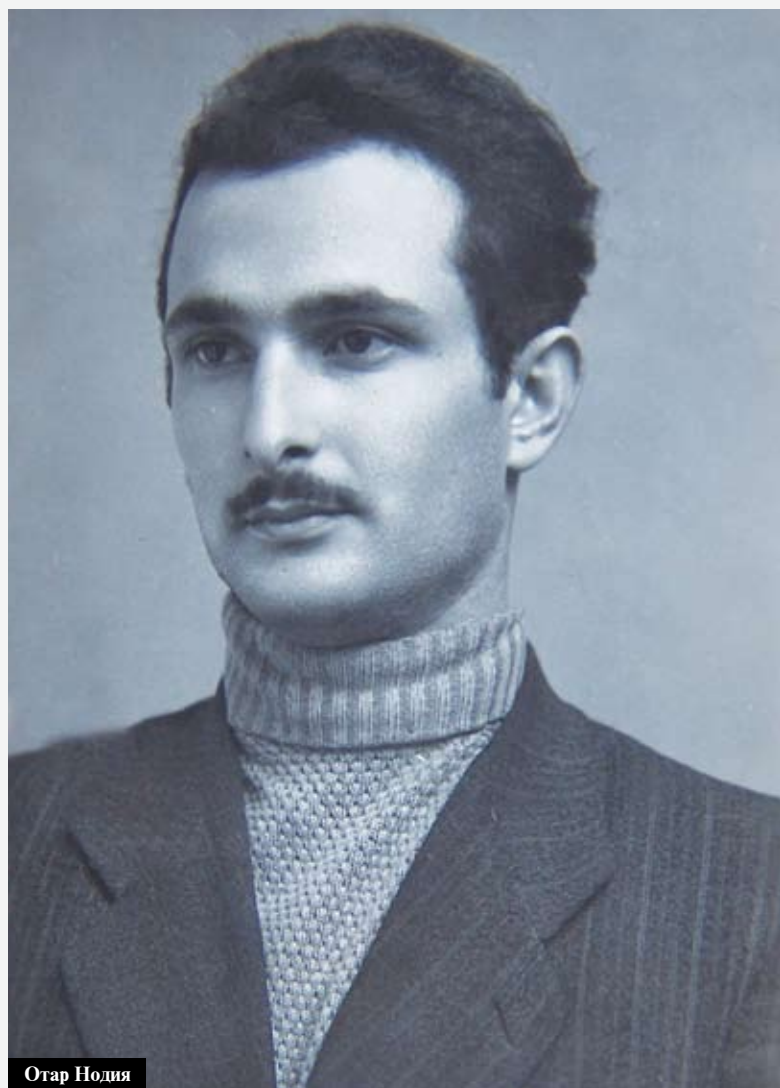
Людмила Улицкая

ПОТЕРЯ ЛИЦА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

«Мне Грузии не обойти в дальнейшей работе», — замечал Борис Пастернак в одном из своих писем начала 30-х. Без Грузии невозможно было обойтись всем нам: так или иначе, плохим или хорошим, талантливым или не очень, но — участникам хоть какого-то культурного процесса 70-х — начала 80-х годов прошлого века. Грузия, ее именно что современная, а не только древняя культура, демонстрировала, что плодотворность развития нового искусства возможна и осуществима. Более того: Грузия, ее культура, деятели этой культуры давали интеллектуальное и культурное убежище людям «из центра», дабы уж совсем не погас взаимобмен мыслями, соображениями, идеями и, как нынче бы сказали, проектами. Борис Пастернак уехал летом 1931-го с Зинаидой Нейгауз в Грузию — «и мы получим этот рай». А в конце жизни, во время травли (посленобелевской), провел несколько недель у Нины Табидзе и крикнул ей с подножки поезда, возвращаясь в Москву, — «Поищи меня у себя дома!» Самарий Великовский защищал свою диссертацию по французскому экзистенциализму в начале 70-х, разумеется, в Тбилиси. С конца 70-х русский десант в лице Владимира Лакшина, Галины Белой, Булата Окуджавы, Татьяны Бек, Аллы Латыниной, Олега Чухонцева, Андрея Битова (и я там была) дважды в год высаживался — не в сезон — на побережье Пицунды или Кобулету, чтобы провести дискуссии, обсудить новые тексты. Прочитую еще одного поэта: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в провинции у моря...» И действительно: может быть, это сопровождалось обманчивым чувством-впечатлением, но свобода нас встречала уже у самолетного трапа. Кто забудет, тот предаст самого себя. Читали в подстрочниках тщательно подготовленных к каждой встрече Главной редакционной коллегией по художественному переводу и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии (руководителем был один из

умнейших людей нашего времени, Отар Филимонович Нодия, кстати, отец Гии Нодия, известного современного философа): романы Чабуа Амирэджиби, Отара Чиладзе, рассказы Гурама Дочанашвили, стихи... О стихах грузинских поэтов, которых переводили лучшие русские поэты всех времен, от Пастернака и Тарковского до Ахмадулиной и Чухонцева, отдельная речь. Именно здесь, на знаменитом нашем семинаре, под шорох волн, на пицундском берегу нам с Галиной Корниловой впервые рассказали сюжет «Покаяния» Тенгиза Абуладзе.

Журнал «Литературная Грузия» давал литературное убежище современным русским поэтам, — по его подшивке сейчас можно защищать диссертацию на тему «Русская поэзия, укрытая за хребтом Кавказа». И никогда не забыть мне хранимые, с любовью, как реликвии,

Отар Нодия

графинчик из-под коньяка и рюмку, из которой Пастернак пил этот коньяк, в доме тбилисского художника. И что, прикажете сегодня все это выбросить на помойку — только потому, что Юпитер разгневался?

Действия властей неразумны и неадекватны.

По сути — в Москве (да и по провинциям уже пошло, там привыкли подражать начальству) начали (с команды

«фас!») этнические чистки. Как еще можно обозначить цепь проверок и преследований по этническому принципу? У нас что, узбекская «Чайхана N1» работает лучше (по всем параметрам, включая отчетность) ресторана «Тифлис»? Что, в казино, принадлежащих лицам определенной национальности, обманывают меньше, чем в тех, что принадлежат другим? Уж если решили избавить города от игорного бизнеса, так делайте это по закону, распространяемому на всех без оглядки на длину носа и разрез глаз! Все эти телодвижения власти производят шокирующее впечатление на нормального человека. А главное: эти телодвижения разрушают хрупкие связи общекультурного поля, которые с огромным трудом все эти годы поддерживали люди, а не организации. Ведь именно люди — русские, из Москвы и Петербурга — посылали деньги и продукты в голодающий и мерзнувший в начале 90-х Тбилиси. И — обратно, из Тбилиси, шли нам любовь и поддержка.

В замечательно ироническом, по-грузински увядающем фильме-притче «Голубые горы», снятом в здании и интерьерах той самой Главной коллегии, о деятельности которой я упомянула выше, памятен финал: обрушение потолка, стен, катастрофа, засыпающая камнями — кого?.. деятелей культуры, писателей, критиков, редакторов, водящих свои хороводы и неведь что празднующих.

Засыпет всех — и правых, и неправых, и талантливых, и не очень. Уже — почти совсем засыпало.

Но я хочу, чтобы наши грузинские коллеги знали, что в Москве существует совсем другая, не согласная с официальной, точка зрения на происходящее.

В книге-проекте, координатором и составителем которой я была, привлекая десятки писателей и журналистов всего Кавказа, — «Защита будущего: Кавказ в поисках мира», — помещена работа социопсихолога, специалиста по кросс-культурной психологии, национальным ценностям и стереотипам Георгия Нижарадзе «Мы — грузины. Полемические заметки по поводу некоторых социально-психологических аспектов грузинской культуры». Заметки открываются главой «Пространство ответственности», а она, в свою очередь, следующими словами: «В этике известно так называемое золотое правило: обращайся с другими так, как хочешь, чтобы обращались с тобой». Нижарадзе подвергает критике (и, как понимаете, самокритике) национальный грузинский характер, — среди прочих такую его губительную черту, как амбициозность. Но сегодня «зашкалило»: грузинская (не совсем далекая, скажем так) амбициозность на российское (подлое, скажем прямо) чиновничье упрямство.

Если Россия хотела выстраивать и возрождать общее культурное пространство на территории бывшего СССР, то какой-то внутрirosсийский враг эту правильную тенденцию постоянно подрывает.

Интересно было бы узнать — как его зовут?

России и российской культуре (при всей ее широте и ее невероятном богатстве) необходимо распространять и преумножать свой культурный капитал; как любой капитал, он нуждается в постоянном движении (чтобы избежать инфляции). «Мощь и жизнеспособ-

ность культуры, — замечает Георгий Нижарадзе, — определяются ее динамизмом, то есть тем, в какой степени и как быстро она умеет выработать новые ценности в соответствии с изменившимися условиями». Необходимо двигаться, занимать своими идеями новые умы и территории, удивлять и кооптировать все новых и новых — сторонников, друзей и, разумеется, коллег. Вкладываться в это — имея (пока) столько людей вокруг, понимающих русский язык! Вместо этого — теряем друзей, теряем связи, теряем поддержку.

А главное — теряем лицо.

Не скрою, и грузины (причем — из культурной элиты) меня за эти годы неоднократно ставили в тупик, поражали своими высказываниями — и Сталин вдруг оказывался «очищенным» от преступлений (потому что грузин), и мы обвинялись в грузинофобии, поскольку осуждали тоталитарный режим. Внезапная холодность, отчуждение — только потому, что мы — русские? Дурацкая затея с «Музеем оккупации». И так далее.

Но отнюдь не умнее выглядит и отечественная сторона: особенно это касается двойного стандарта и откровенно провокационной работы с населением Абхазии и Южной Осетии. Как это — в массовом порядке выдавать российские паспорта? И разве это — не прямая угроза целостности другого государства?

И — главное: не столько о Грузии, ее гражданах и ее культуре я пекусь, я — о нас. Ведь это у нас РНЕ приятно возбудилось в связи с новыми высказываниями о рыночном приоритете коренного населения. И уже — поддерживает государственные инициативы новой внутренней политики. И, соответственно, — рисует свои модифицированные свастики на квартирных дверях. Например, в Коломенском. После чего родители из помеченных красными свастиками квартир боятся отпускать детей на улицу. А в квартире, между прочим, живет девятилетний сын московского поэта.

Отнюдь не грузина.

Самое ужасное, самое омерзительное заключается в том, что это делают не какие-то там «чужие», нет; что это омерзительное заключено в нашем же, извините, народе как в капсуле; молодчики, рисующие РНЕ-шную свастику, родились от русских матерей и отцов. Более того: и слово-то само «русский» не ими ли скомпрометировано? Уж точно, что не «чужими». Враг мой друг мой сосед мой родной мой и есть, — вот в чем проблема. А еще в том, что, увы, власть не знает, что со всем этим делать. С одной стороны, — нехорошо, позорно перед всем миром получается. Со своими, с родными «протофашистами». С другой стороны, — на «чужих» спускаем свору. Шизофрения какая-то получается. Как из нее выбраться? Как учить(ся) толерантности, терпимости, если заводим речь об «очистим нашу землю от мусора», на самом деле точно по предвыборному ролику «Родины»? И тут я вспоминаю Дмитрия Рогозина, который мягко так, но жестко внушал: или Путин поймет, что мы ему необходимы, что он — с нами, или мы встанем по другую сторону.

Путин — понял?

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА

Георгий Леонидзе. 1930-е гг.

СОКОЛЬНИЧИЙ ГРУЗИНСКОГО СЛОВА

К 40-летию со дня смерти Георгия Леонидзе (1899-1966), народного поэта Грузии, академика АН Грузии (1944), лауреата Госпремий СССР (1941, 1950, 1952)

Тот день, 26 июня 1966 года, забыть невозможно. Я пришел в семью жены: мой мальчик, тогда только новорожденный и спасенный после тяжелой болезни, до полного выздоровления находился в их доме. Мне сказали: «Гость тебя дожидается». Безмерно я обрадовался – в лоджии, возле открытого окна, сидел дядя Гогла, дымил сигаретой. «Ребенку уже хорошо, не волнуйся, – успокоил меня. – Теперь прогуляемся, захотелось проехать в сторону Мцхета», – взял меня за руку и увлек за собой. «Каждый лист и куст здесь мне знакомы – сказал, когда миновали Дигоми, – но каждый раз сюда зовет сердце, как-то успокаивают здешние места».

... Покрышки машины шуршали на пыльных кам-

нях, за рулем сидел его старший внук, мальчик Гогия – Гоги Кавтарадзе, вылитый дед, те же выражение лица и черты. Перед въездом во Мцхета дядя Гогла остановил машину. На дороге, на расстоянии друг от друга, стояли загорелые мальчишки. В руках, как флаги, держали палочки с нанизанной черешней. У каждого, помню, взяли по одной связке, он всякий раз сам спешил заплатить. То возле одного останавливал машину, то возле другого; думаю, больше хотел помочь вышедшим на улицу детям. Сам оторвал одну-две ягодки, нас заставлял – отведайте мцхетскую черешню. Сменяли друг друга выстроившиеся вдоль дороги карликовые сосны, аллеи ореховых деревьев и чинар.

В Церовани, селе его супруги, Ефемии Гедеванишвили, вышли из машины, он смотрел на пригорки на противоположной стороне, некоторое время стоял притихший, видно, молодые годы вспомнил. Потом

мы въехали во двор какой-то церкви. Душу радовала идеальная тишина, обычная для большинства грузинских церквей и монастырей. После подробного осмотра церкви, уже когда мы вышли на широкий двор, он увидел в заваленной ветвями канаве резной камень. Заволновался, это, говорит, из церкви притащил и бросил кто-то несознательный, как-нибудь внесем вовнутрь. Мы с Гоги с трудом перенесли этот камень и положили возле церковного портала. Только после этого он успокоился, и мы уехали. Вскоре снова остановил машину. Вывел нас в широкое поле. Необыкновенно красиво было вокруг. На каждом шагу попадались цветы, крупные и малые, с нежными листками и колючие, росли вперемешку. В глазах рябило от пепельных, желтых, красных, цвета синьки пятен, пролитых на этот фантастический ковер...

«Взгляни, какая она Картли... Другой такой красоты не увидишь нигде на земле. Чем больше смотрю, тем больше очаровывает, просто удивительно», - говорил и медленно шагал, будто боялся примять траву.

Гоги спешил вернуться в Тбилиси. В семь часов ему надо быть в каком-то месте; было уже почти восемь. Мне шепнул: «Не хочу чтобы дед узнал - будет волноваться».

Когда приблизились к Тбилиси, вспомнил я его прекрасные воспоминания о Есенине, опубликованные в «Литературной газете» целой страницей, с удивительной точностью все было описано и так живо. «Было бы хорошо, если напишите книгу воспоминаний, сколько чего спасли бы от забвения, из-за мемуаров никто не посчитает вас стариком», - говорю ему. Улыбнулся,

Михаил Шолохов и Георгий Леонидзе

сказал, об этом и сам задумывался, вот пройдет руставелевский юбилей, много гостей ожидается, потом засяду за книгу и это тоже напишу. Что было в этом неосуществимого? Кто бы усомнился, что не осилит... В ту роковую ночь, вернувшегося домой, его сильно температурило, и он уже не поднялся с постели.

В июне, придя на работу, несколько раз почувство-

вал себя плохо; однажды его я навесил, боль его уже не беспокоила, но лицо было необычно воспаленным; он все же показался мне в хорошем настроении. Сейчас чувствую себя лучше, сказал, и даже отпустил шутку по какому-то поводу. Не прошли и две недели, как он слег. Пришел я его проведать. Лежал он в гостиной на низкой, большой тахте. Здесь же были сотрудники, родственники и близкие друзья, разговаривали с ним, ободряли. И сам он не чувствовал себя безнадежным, но учащенное дыхание затрудняло ему речь. Семья выглядела встревоженной; одно время подозревали тиф, после двух-трех дней положили в больницу.

Почти ежедневно ходил его проведать, старался развлечь, новости его интересовали. В номере журнала «Нианги», посвященном руставелевскому юбилею, опубликовали отдельные фразы из «Витязя в тигровой шкуры» (их подобрали Джансуг Чарквиани и Заур Болквадзе, большие почитатели леонидзевского мужества и поэзии), получалось наподобие загадки - каждая цитата посвящалась внешности или качествам какого-нибудь известного грузинского писателя, ниже были его имя и фамилия. Большинство цитат подобрали очень точно и продуманно. Я читал, он много смеялся, интересовался про него что написано. Самого сравнивали со львом руставелевским стихом. Ему понравилось.

Когда чувствовал себя лучше, не отходящая от него старшая дочь, Нестан, ободряла, скоро, мол, поправишься. Временами появлялась надежда, но на следующий день снова терял цвет лица. 25 июля перевезли в Цхнети, на его дачу. Несколько дней лежал на балконе, в глазах исчезла небесная синева, они потемнели, темная тень поселилась в них.

Август в Тбилиси обычно жаркий. В то лето и в Цхнети трудно дышалось. Листья не шевелились на старых дубах со скорченными ветвями, не дрожали верхушки чинар. Я стоял на балконе, у резных перегородок, и смотрел на него. Он поманил меня рукой, я подошел и наклонился к койке. «Видишь, какая жара, - задыхаясь и ослабленным голосом сказал мне, - говорят, еще прибавит, до сорока градусов поднимется. Ребенка сюда привези. Боюсь, не припекло бы ему солнцем голову...»

О моем сыне говорил, трехмесячном ребенке. Сам обреченный, думал о других, о других печалился. Слез я не сдержал, что-то пробормотал и отвернулся...

Прежде он затруднялся слышать негромкую речь. Теперь, с болезнью, удивительно обострился его слух. Сказанное шепотом на балконе слышал, лежа в постели. Подозревал, что скрывают от него нечто важное. На стоящих поодаль, тихо совещающихся членов врачебного консилиума смотрел, как на заговорщиков.

К тому времени я только-только прочитал повесть Камю «Посторонний». Убедился, с какой потрясающей точностью писатель передал переживания заключенного в камеру смертников приговоренного к расстрелу Мерсо, который всю ночь не сомкнул глаз в ожидании палача. «Такие недоступные уху звуки я никогда не слышал», - говорит он, и нам передается весь ужас этих адских минут.

Наверное, поэтому остерегается сна умирающий

Сидят: Василий Барнов, Георгий Леонидзе, Яков Николадзе, Нина Табилдзе. Стоят: Лели Джапаридзе, Валериан Гаприндашвили, Паоло Яшвили, Тишан Табилдзе. Редакция газеты «Бахтриони». 1920-е гг.

человек – чтобы приближение смерти не пропустить. Георгий Леонидзе чутко прислушивался к шагам смерти, слушал днем и ночью, чтобы ни один из них не ускользнул от его слуха... «Смерть не любит смотреть в глаза», – сказал один мудрец. На подобные максимы обычно мы смотрим скептически и не очень задумываемся над ними. Только конкретный случай убеждает, что эти высказывания опираются на глубокое знание человеческой души.

Издали я смотрел, как медленно шевелились согнутые в коленях ноги под тонким одеялом. По всему было ясно – это одно из последних шевелений, последние движения человека, в чьем сильном теле упрямо билось самое большое чудо – жизнь. Уже сломаны золотые колеса коляски судьбы... Теперь, потеряв управление, разве что по инерции, описывала она пару кругов. Так тонет опасно накренившийся корабль, который уже не ищет нигде остров сокровищ, не ловит коралловое солнце в безвольно повисшие паруса, не ожидая оказаться выброшенным на пустынную отмель... вечное безмолвие черных курганов. Знал я – в последний раз он прядал руками и ногами, в последний раз скользил по белому, как простыня, потолку его горячий, помраченный взгляд. Не напрасно в его стихе была сила натруженной руки Важа Пшавела: «Поэт я нрава твоего». До конца сдержал он слово, дан-

ное великому человеку, его благословившему, в смертный час сравнялся с ним – в летний зной тоже отдал свое горячее дыхание...

Панически боюсь покойников. Не касаюсь их, трудно для меня само приближение к ним. Пересилив себя, вошел в комнату, где он покоился – навоевавшийся, измученный, обезоруженный. Он лежал, словно спал, с лицом старого воина. И был похож на Гектора с проломленным шлемом. Ложе ему было коротко, не умещался на железной кровати своим богатырским телом, брошенным в холодную вечность... «Бросила меня, потеряла./ Как черкес стрелу...»

Корсары северных морей древние викинги, одетые в защищавшие тело железные непробиваемые доспехи, находясь вдали от суши, хоронили погибшего друга в лодке, клали ему в дорогу щит и меч... Вверяли лодку попутному ветру в открытом море. Бесследно, в солнце и дождь, в густых ночных туманах грозная стихия носила необычный ковчег, пока вздыбленная волна не опрокидывала и не увлекла его в синюю бездну со своим грузом...

Покойника перенесли на тахту. Привычные к лазурному небу огромные крылья обвисли. Так выглядит подстреленная, свалившаяся на голый обрыв большая птица, чье туловище и разорванные ноги медленно покидают тепло, но еще дрожит холодеющая плоть.

Стояла безлунная ночь. Из глубины двора доносились душераздирающие стоны филина. Это полное мистического ужаса бесконечное рыдание меня беспокоило, и я спустился вниз. Прислонился к плакучей иве и бросил ком земли в сидящую на ветви ночную птицу. Хлопая крыльями чернее ночи, она пропала во тьме.

Я не смог заставить себя присутствовать на неприятном моменте, когда покойника забрали для снятия посмертной маски. После часа ночи мы с женой ушли. По дороге нас обогнала белая «Волга» – больничный фургон – и взяла путь к цхнетскому подъему. Тяжело было смотреть на стекла молочного цвета с красным крестом, мы знали, кто лежал внутри, у чьей калитки смолкнет в ночи ревуший мотор.

По-прежнему мне виделся на смертном одре, распростертый на конной колеснице Гектор, которого хоронил старый Приам; уже показались стены древней Трои, и плач женского хора готовился встретить дорогого покойника. Это было потом – в середине зала покойника оплакивали поодиночке патардзеульские женщины в черном, а в изголовье возвышались срезанные кольца трехсотлетнего дуба, свидетельство его породы и силы, возвышаясь столпом его бессмертного «Олэ».

В день первой панихиды в Цхнети поднялся его

любимый художник и друг Ладо Гудиашвили. Глубоко опечаленный батони Ладо вешал на одетые в траур стены каждую зеленую веточку и гвоздику, словно лаская их. Проверял, чтобы все было красиво, со вкусом продумано. Скоро все вокруг было отмечено его рукой: удивительное сочетание величия и простоты... Хозяин этого дома при жизни сказал: «Стены палаты Ладо Гудиашвили должен разрисовать, как обещал, его косули и фазаны обратят в сказку все вокруг». Теперь стоял поседевший до бровей старый мастер и украшал к панихиде большой гостиной зал – свидетеля тысячи радостей; иногда задумывался. Кто знает, о чем вспоминал, чтобы этого человека, с кем всю жизнь был связан дружбой, не видеть мертвым...

Я вышел во двор. Солнце уже поднялось высоко.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

НИКОЛАЮ ТИХОНОВУ

*Веду я спор с луною над Гомбори.
Окно раскрыл
и полночью дышу.
Деревья,
подбежав к окну гурьбою,
глядят, привстав,
как я стихи пишу.
И кажется –
тыходишь в комнатенку,
похожий на предчувствие грозы,
с тяжелыми руками камнетеса,
с лицом, увитым листьями лозы.
Мой брат седой,
я вспоминаю разом,
как шли мы вместе, дружбою дыша.
Долины, как парча с фазаньим глазом,
к тебе ложились под ноги, шуриша.
С задумчивыми детскими глазами
ты шел,
и, слыша звук твоих шагов,
протягивали лозы Алазани
и гроздья винограда и стихов...
Где б ни были,
друг другу мы поможем,
что б ни было,
друг друга мы пойдем,
и песню братства мы с тобою сложим
и приобщим к сокровищам времен.
Мы не напрасно спорили, искали,
не зря нам было столько мук дано,
мы надвое сердец не рассекали –
пока живем,
оно у нас одно.
Да, это так!
Пусть видимся не часто,
мы всюду вместе, брат мой дорогой.
Не может быть один из нас несчастлив
и в то же время счастлив быть другой...
1956*

Перевод с грузинского ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

С Галактионом Табидзе

У проволочной изгороди в канаве валялись маленькие бутылки из-под чешского пива, йодистого цвета; не зная меры, кто-то их выпил здесь, на меже и бросил. На заборе ломались под тяжестью ягод ветки ежевики. Удивительно много их было, вышедших из темных недр, тяжелых, темных-претемных слез земли. Подошел я поближе, раздавил одну большую ягоду, с большого пальца стек и размазала на середине ладони клейкий, сладкий сок...

13 августа покойника должны были перенести в Союз писателей. В назначенное время к дому подошел синий автобус, обычный в таких случаях. Всю дорогу я придерживал рукой дубовый гроб. Временами поглядывал в окно: разморенные зноем люди не спеша, безразличные, шли по улице, ни о чем не подозревая. Для них ничего вроде не произошло. Какое это было несчастье – бесчувственный деревянный конус скрывал того, кому смерть представлялась затаившейся за девятью горами химерой, кто отдал бы не раздумывая все, даже бессмертие, за одну только прогулку под чинарами в этот солнечный день... Автобус свернул на улицу Мачабели.

Народ заранее начал сходитьсь. Кто только ни пришел, из какого края и города ни приехали; шли молчаливые, опечаленные – выразить любовь, благодарность, отдать последние почести; траурные мелодии лились в зал из черного ящика магнитофона за занавеской...

В Союзе писателей остались ночью трое – его племянник, Леван Леонидзе, сосед Гоглы, журналист Спартак Жвания и я. Из дома я захватил книгу стихов покойного и читал допоздна. В ночном бдении медленно тянулось время. С нами был сторож Союза писателей, хромой старик – скромный, немногословный человек.

Было около трех часов, когда постучали в большие черные ворота. Сторож поспешил открыть. Вошли Гурам Асатиани, Гурам Канкава... Слегка подвыпившие... Сказали: «Всю ночь проходили, не могли успокоиться, сердце сюда звало». Там же присели. Много вспомнили из жизни своего старшего друга. Говорили о его удивительной памяти, несравненном знании грузинской и русской литературы, его простых человеческих качествах... «Сегодня с утра не выходят у меня из головы его строки из стихотворения о Важа Пшавела, – взволнованно говорил Гурам Асатиани. – Вот эти: «Посмотри, твои горы лежат, словно тигры». Это чудо какое-то. Какое видение, какая мощь, как это подмечено...»

До рассвета оставалось совсем немного. В саду Союза писателей проскрипел певчий дрозд. Медленно выкатился на небе огненный шар.

С сегодняшнего дня его оплакивала и провожала в вечное пристанище вся Грузия.

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ

Перевел с грузинского АРСЕН ЕРЕМЯН

ИЗ РУНЕТА С ЛЮБОВЬЮ

Рунет – это русский Интернет, в котором кипит, идет и летит своя жизнь. Встречаются и расстаются люди, знакомятся и становятся друзьями, находят друг друга единомышленники.

Как сказал Александр Кушнер, «времена не выбирают, в них живут и умирают». Нам выпало это время, это место и те люди, которые нас окружают. Но выбирать, кого любить и кого сторониться, можем только мы сами.

Сегодня, на фоне развернутой антигрузинской кампании в официальной России, многие мыслящие люди активно выступают против внутреннего национализма в стране и в поддержку Грузии. Очень много любопытного происходит и в Рунете.

«Жаль, что я не в Москве», - пишет в Интернете известный русский поэт, доктор философии, (он был участником знаменитой поэтической группы «Московское время», а затем арестован и депортирован из Москвы) Алексей Цветков, живущий сегодня в Праге. Так он озаглавил на своей странице сообщение о пикете в Москве под названием «Протест против разжигания антигрузинской вражды, дискриминации граждан

Грузии и граждан грузинского происхождения». Организаторы просили поддерживающих их прийти с желтыми восьмиконечными звездами на одежде. Восьмиконечная звезда, ассоциирующаяся с православием – соответственно, и с Грузией, но желтого цвета у участников пикета - довольно интересная компиляция. Во время Второй мировой войны с шестиконечными желтыми звездами нацисты заставляли ходить евреев. У русского поэта Цветкова на странице вывешен грузинский флаг, да и его юзерпик (дословно: картинка пользователя, то есть фотография или символ в Интернете, который выбирает человек для своей идентификации) – это собственная фотография с грузинским флагом. Точно также этим летом во время войны Израиля с Ливаном у Алексея Цветкова на фотографии был израильский флаг.

Об акции «Я грузин» у нас уже известно. «Идея акции «Я грузин» как-то витала в воздухе и у многих “вертелась на языке”», - говорит журналист радиостанции «Эхо Москвы» Сергей Пархоменко. Фактически он первый оформил и высказал эту идею. Дизайн значка - Артемия Лебедева, известного художника, веб-дизайнера.

Далее в Рунете началась акция «Дни грузинской культуры в России». Незнакомые люди начали присылать и помещать на своих страницах стихотворения русских поэтов, посвященные Грузии. Это приняло, можно сказать, массовый характер. Вспоминают рос-

сияне и стихи Галактиона Табидзе, Николоза Бараташвили и других великих грузинских поэтов и писателей в переводе великих русских. Дают ссылки на сайты грузинских художников, говорят, где можно прослушать

песнопения Грузинской Православной церкви в исполнении ансамбля «Рустави». Постоянно у разных людей появляются в собственных записях картины Пиросмани или ссылки, где их можно увидеть. Известная русская поэтесса, живущая ныне в Израиле, вы-

ложила у себя на странице фотографии Александра и Василя Роинашвили, и тем самым начала свою акцию – «Дни израильско-грузинской дружбы», продолжив ее разговором с композитором Иосифом Барданашвили. Один из пользователей заявил на весь Рунет, что просматривает старые известные грузинские короткометражки, называя это смехотерапией, и предложил всем сделать то же самое. Несколько человек предложили организовать культпоходы в грузинские рестораны. Попросили поспешить – пока еще не все закрылись. И тут же множество людей стали помещать у себя на сайтах и своих страницах адреса всех известных ресторанов в Москве и других городах, договариваться

о встрече. Об одной из таких встреч мне рассказал пользователь Рунета, имени которого даже не знаю: «У нас была простая «акция» - кучка людей, между собой знакомых лишь виртуально, и то не все (хотя, конечно, были и знакомые лично) пошла в еще работающий грузинский ресторан и провела вечер в компании людей с нормальными лицами. За столом неспешно рассказывали истории, связанные с Грузией и грузинами в жизни каждого из присутствующих. Некоторые говорили – «меня, собственно, с Грузией ничто не связывает, я просто то, что происходит, не могу вынести». Вот, собственно, и все. Пришло человек двадцать, для вечера по-недельника – немало».

Несколько человек из России срочно создали виртуальное сообщество, посвященное культуре Грузии и помещают туда стихи современных грузинских поэтов, переведенные на русский. Так, уже многие восхищены Рати Амаглобели, ждут встречи в Москве со спектаклем по произведениям Лаши Бугадзе.

Затем появилась прекрасная идея – учить грузинский «Исцавлэ картули» (ისცავლე ქართული) в знак протеста против национализма. Организовали сайт, создается русско-грузинский словарь, тут же дали сообщение всем «фрэндам» (так именуются в Интернете виртуальные друзья, калька с ан-

глийского). Причем слова и выражения предлагаются, в основном, сленговые, наиболее часто употребляемые по обе стороны Кавказского хребта – все-таки мы так похожи...

И многие граждане России, будь это этнические русские, евреи, украинцы, белорусы и так далее, в Интернете громко заявляют: «Перехожу на грузинский». И тут же пишутся разные фразы на грузинском языке, грузинскими буквами, рядом – русская транскрипция и перевод. Хочется еще раз подчеркнуть: эти люди впервые столкнулись с грузинским языком, многие из них вообще ни разу не бывали в Грузии.

А статьи некоторых бывших жителей Тбилиси буквально за секунды разлетаются по Интернету. Вот отрывок одной из них: «Нам бы с вами не увлечься этой игрой чрезмерно. Не забыть бы, что хорошее в нас – хрупко и сломать его одним неосторожным поступком, одним жестоким словом ничего не стоит. Милые мои сограждане, в самых мрачных политических декорациях всегда есть возможность сыграть свою пусть маленькую, но очень важную и красивую роль. Найдите какие-нибудь добрые слова для тех грузин, которые рядом с вами. Попробуйте. Уверю вас, вы потом будете вспоминать об этом всю жизнь, как об одном из своих самых гражданственных поступков...»

Помните фильм «Отец солдата»? Старый грузинский крестьянин Георгий идет через всю войну, надеясь найти своего раненого сына. Там есть сцена, когда наш танкист, разворачивая танк, давит гусеницами их виноградник. И Георгий, заставив его остановиться

ся, кричит: «Ты его сажал?! Ты его растил?!» Ломать не строить. Что не поломано в российско-грузинских отношениях, сегодня доломают и без нас. Не они это растили, не сегодняшние тбилисские и московские политики. Мой народ заплатил за близость с Грузией многолетними кавказскими войнами. Такие, как я и мои родные, поколениями жившие в Грузии, заплатили своей любовью. Поверьте мне, там есть что любить. А это важнее. Если мы снова отмолчимся и отсидимся перед телевизорами, перспективу нашей жизни снова дорисуют за нас художники-баталисты. Она будет печальной», из статьи Дениса Гуцко.

Другая форма протеста против развязанной кампании – появившаяся в Рунете масса карикатур и коллажей на русско-грузинскую тему.

Подытоживать обзор интернет-акций не хочется – они продолжаются, придумываются новые. Все акции – в первую очередь чисто человеческие поступки, никак не связанные ни с отношением к правительству Грузии, ни с какой-то официальной позицией. Просто это именно такое существование в нашем мире, которое человека делает человеком. Конечно, очень много противоположных тенденций, и с массовым сознанием ничего не поделаешь, но с сознанием отдельного человека всегда можно.

Сегодня россияне и некоторые граждане других государств в знак солидарности с Грузией всерьез решили осваивать грузинский алфавит и начать говорить по-грузински, и многие сходятся на том, что грузинский язык звучит потрясающе, а у нас была проведена замечательная акция с корзинками винограда, которые дарили уезжающим русским. Жаль, что мало кто об этом узнал из обычных людей в России, поскольку официальное телевидение там, естественно, молчало, а грузинский и русский Интернет пока мало контактируют, а потому и о действиях в Рунете тоже мало известно в Грузии.

Хотелось бы, чтобы и у нас были акции в поддержку русского языка – именно человеческие, в знак дружбы с теми людьми, для которых, перефразируя известную стихотворную строчку Галактиона Табидзе, человеческое – прежде всего.

Поколения меняются, сегодня мы друг о друге знаем все меньше. Верно ли? Экономически, географически, так или иначе, мы все равно будем связаны. А если останутся – восстановятся или будут воссозданы заново – культурные отношения, было бы просто прекрасно. Что мы теряем, не зная языка? Почти все. Что мы находим, читая книги, смотря фильмы и слушая музыку? Тоже – почти все.

Нас на Земле становится все больше. Научно-технический прогресс, помимо удобств, несет в себе большую опасность. Каждый остается наедине со своими проблемами и даже не задумывается о себе как образе и подобию. Все больше одиночества... Понемногу человек превращается в машину, в перпетуум-мобиле. Утро-работа-дом-утро-работа-дом. У каждого нормального и, главное, обеспеченного западного человека есть свой психотерапевт. Эрих Фромм считал, что психотерапия в XX веке возникла как замена отсутствию люб-

ви. Сегодня глубину размышлений и чувств заменяет информация. И тем сильнее необходимо сопротивляться окружающему. И поэтому нужна литература, литература и язык в его высшей форме существования – поэзии, уже хотя бы потому, чтоб не потерять свой человеческий облик. Когда-то русский и грузинский языки составляли огромную часть самосознания человека, родившегося в Грузии. И его интеллектуальный и эмоциональный кругозор от этого только расширялся. Сегодня набирает обороты английский язык, и это прекрасно, так как это совершенно новое мироощущение, и если мы будем говорить на трех языках, иначе говоря, владеть тремя совершенно разными мироощущениями, мы станем намного сильнее.

Воспитание начинается с семьи, с книг и рассказов близких людей, с заповедей, которым нужно учить с самого начала. Много можно исправить или испортить в школах. Общаясь с сегодняшними детьми по обе стороны Кавказского хребта, важно показать, что многие представители русского народа любили Грузию. И грузинского – Россию. Это были настоящие интеллигенты. Можно перелистать переписку Ильи Чавчавадзе с российскими общественными деятелями того времени, например, к Маркову, автору «Очерков Кавказа»: «... любовь является прочным посредствующим звеном, соединяющим наши помыслы и упования с помыслами и упованиями лучших русских людей. В

ней, этой любви, следует искать точки сближения и единение частей с целым на благо всех и вся». И, словно ответ, из «Очерков Кавказа» Маркова: «Мы, русские,.. не должны забывать, что мы не завоеватели,.. что грузины вступили в семью нашу, чтобы остаться самими собою. Поэтому все грузинское, все исторически приобретенное ими, все их народные святыни и все их народные свойства имеют право на такое же уважение, как и все наше собственное русское».

ИННА КУЛИШОВА

Н.Свентицкий с министром культуры РФ А.Соколовым

«ТЕАТР ДОЛЖЕН ЖИТЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ»

Николаю Свентицкому – 50

- Когда исполняется круглая дата, – неважно какая, – человек обычно задумывается, что есть самого дорогого у него в жизни. Это могут быть и люди, и мысли, и дела... Что для вас дорого?

- То, что мне не стыдно. Мне не стыдно за все, что я делал в своей работе, потому что вся моя энергия была направлена на укрепление российско-грузинских связей. И я это делал честно и от души. И еще никогда никого не обманул в жизни и не предал. Получилось так. Если говорить о людях, то я никогда не охотился за автографами, знаменитостями. Но мне в жизни очень повезло: еще в ранней юности я знакомился с выдающимися деятелями искусства. Я знал лично многих великих. Дружил с Руфиной Нифонтовой, которая опекала меня, знал Елену Николаевну Гоголеву, знал Игоря Владимировича Ильинского, бывал в гостях у Варвары Обуховой, юношей в Москве посещал дом Ивана Семеновича Козловского. Я один из первых тбилисцев начал заниматься шоу-бизнесом. И я дружен со многими известными и популярными сегодня

артистами этого цеха, жанра. Я в хороших отношениях с Ларисой Долиной, с Валерием Леонтьевым, знаю Геннадия Хазанова. С юности дружил с Андреем Макаревичем. Могу и дальше перечислять, но просто всех не вспомню. Сейчас появились какие-то новые группы, которых я не знаю, потому что это уже не мое время.

- Какое время вы считаете своим?

- Время моей юности, начало восьмидесятых, когда я познакомился с этими людьми, устраивал их концерты в Тбилиси. Например, выступления Софии Ротару, Аллы Пугачевой, Ларисы Долиной, рок-группы «Машина времени», группы «Динамик» с Владимиром Кузьминым...

- Почему вы пришли в театр и остались в нем навсегда?

- Мне кажется, что я нужен сегодня театру. Не знаю, так ли это, но мне так кажется.

- А нужен ли сам театр сегодня нам, особенно Грибоедовский?

- Нужен. Гоголь сказал, что театр – трибуна. Театр должен быть трибуной. Сегодня, как и 160 лет назад, стоит в Тбилиси театр Грибоедова. На том же месте. Конечно, многое изменилось. Нет той блистательной труппы – это большая проблема для театра. Опять-таки, мы стараемся

любими возможными для нас способами решить ее, потому что есть русский курс в театральном, и он тоже впоследствии придет в театр.

- *Сегодня театр активно реставрируется, перестраивается...*

- Театр находится в стадии реконструкции, но, несмотря на нее, - и это один из немногих, если не единственный случай, - театр все равно работает. Такова принципиальная позиция руководства театра: не закрывать его ни на одну неделю, даже невзирая на то, что порою за сценой и за стенами театра падают строительные камни прямо во время спектакля. Мы пошли на эти жертвы умышленно, специально. Сначала построим Малый зал, потом Большой. Я считаю, что театр должен жить каждый день.

- *Что нового появится в театре после реконструкции?*

- Качество! Качество звука, света, это даст дополнительные плюсы нашим новым постановкам, потому что все оборудование устарело, не соответствует сегодняшним замыслам режиссера, актеров. Время идет вперед, появляются очередные технические эффекты. Когда смотрим роскошные мюзиклы по телевизору и потом играем на сцене, где половина оборудования пришла в негодность, это печально и выглядит бедно во всех отношениях. Театр должен быть праздником, а для праздника театру нужны большие деньги, которые обеспечат новую технику, новый звук, сейчас ведь другие требования, другие стандарты. Мы хотим приблизиться к мировым стандартам.

- *Что лично для вас является праздником?*

- Любое действие на сцене, которое приносит радость людям. Говорю и как человек, который является одним из организаторов таких праздников.

Я не устаю говорить «спасибо» всем людям, с которыми работаю и что-то создаю, которых люблю.

СВЯТАЯ К ТЕАТРУ ЛЮБОВЬ

В театре работают многие, но только единицы из них любят театр. Я знаю многих талантливых людей, которые довольно успешно работают в театре, играют главные и неглавные роли, ставят гениальные и не очень гениальные спектакли, но при этом они не любят сам театр. Открою «страшный секрет»: работников театра, по-настоящему любящих театр, всегда и во все времена было очень и очень мало. Да простят меня бог и театр, но это так.

Я понимаю, что от осознания этого всем по-настоящему любящим театр становится грустно, и вот о таком человеке и хочется сказать пару слов. Коля Свентицкий из числа тех, чью жизнь невозможно представить без любви к театру. Любовь к театру - не слова, это единственное, благодаря чему он живет вот уже 26 веков, только такие люди, как Коля, сохранили и донесли до нас Его величество театр. На расстоянии, можно узнать влюбленного в театр человека, так как эти люди сами начинают походить на театр. Взгляните на Колю! Он так же, как и театр, нуждается в сообществе людей. Так же ищет присутствие талантливых людей рядом. В минуты слабости криклив, как театр; иногда ради дела может прикидываться порой протачком и даже шутком, но порой становится жестоким тираном и тоже в интересах дела. А разве сам театр не жесток? Коля любит суетиться. Пусть не пугает вас этот термин, он понятен тем, кто знает театр. Театр любит суетливых людей. В нем суетящийся человек не отпугивает, наоборот, обрастает событиями. Он все время жалуется, что никто ему не помогает, но реально ему помощь и не нужна, потому что от повседневных хлопот он, как истинный Дон Кихот театра, получает от этих хлопот огромное удовольствие. С утра он начинает обход театра с таким рвением, что можно подумать это смысл его жизни. Он обяза-

тельно будет кричать, если что-то не убрано, не сделано. Он органически не выносит неорганизованность, хаос, беспорядок, так как Коля - сама организованность. Характер у него архисложный. Но и это у него от любви к театру. Он обожает устраивать праздники другим. Я редко встречал другого такого человека, который так любил дарить подарки, он устраивает праздники не только друзьям и знакомым, но и совершенно незнакомым людям. Он может снять с себя и подарить пиджак прохожему на улице. Он Тбилисец, и как никто другой, осознает, что это такое - быть тбилисцем. Он знает и обожает этот город и нигде не смог бы жить без этого города. Он мог бы посоревноваться в знании истории этого города с лучшими экскурсоводами Тбилиси. Почти все его смелые проекты связаны с этим городом, жителями этого города, культурой этого города и страны в целом. По национальности русский, он сделал для города, для страны, для ее культуры, может быть, гораздо больше, чем многие министры

А. Варсимашиви и Н. Свентицкий

культуры вместе взятые. Театр Грибоедова может гордиться своим директором. Меня как-то спросили, хорошо ли мне работается с ним, я ответил: «Нет, не хорошо – идеально!»

Дорогой Коля, поздравляю с юбилеем! Я знаю, что должен пожелать тебе много-много хорошего, но мне, человеку эгоистичному, на ум приходит только одно: давай еще лет 50 в здравии и весельи поработаем в нашем замечательном театре *вместе*.

АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

ПОДВИЖНИК

В тяжелые для всех театров годы бог послал театру Грибоедова Николая Николаевича Свен-

тицкого – настоящего подвижника, сделавшего все для спасения замечательного театра, являвшегося на протяжении всей своей долгой 160-летней истории неотъемлемой частью грузинской театральной культуры. Дорогого и памятного многим поколениям благодарных зрителей.

Театр Грибоедова в моей судьбе занимает особое место – я дважды был его художественным руководителем.

Тем поразительнее для меня то, что делает Свентицкий для театра. Сколько благодаря ему удалось организовать гастролей! Какая масштабная работа ведется им в «Русском клубе»! Он настоящий хозяин в театре, достойный подражания пример для других, но, пожалуй, самое важное то, что он стоит рядом с художественным руководителем, создает все условия для полноценной и интересной творческой жизни замечательного коллектива.

Николай Николаевич, примите мои поздравления с юбилеем! Позвольте пожелать вам крепкого здоровья, счастья и через всю жизнь пронести верность родному театру!

ГИГА ЛОРТКИПАНИДZE
Режиссер, председатель СТД Грузии

ФЕНОМЕН ДОБРА

Для меня Николай Николаевич Свентицкий – непонятный феномен, хотя понятный в том смысле, что человек, который, как он полон любви, энергии, и должен быть необыкновенным... Я вижу, как он делает великое дело, уже не одно десятилетие налаживает новые контакты, доставляет счастье многонациональному зрителю. За эти годы многое сделано, совершено столько добра, что даже если что-то важное прервется, он все равно найдет способы, чтобы эти контакты никогда не прекращались.

Я большую часть своей жизни посвятила этим связям. Но то, что делает Николай Николаевич, просто уму непостижимо, настолько это великолепно, сложно и нужно.

Желаю Николаю Николаевичу огромного счастья, здоровья, успехов, и надеюсь, что еще долгие годы он будет служить культурным связям наших стран.

КЕТИ ДОЛИДZE
Художественный руководитель
Театра киноактера им. М. Туманишвили

НЕЗАМЕНИМЫЙ НАШ ЧЕЛОВЕК

Помню, как много лет назад в театр пришел новый администратор, молодой, высокий, худощавый, с копной светлых волос. Отрекомендовался: «Николай Николаевич Свентицкий. Можно просто Коля». «Просто Коля» в необыкновенно короткий срок, благодаря своей энергии и деловым качествам, стал просто необходимым в театре. Кроме того, что он занимался делами, он еще безотказно помогал своим товарищам в любых ситуациях, за что его стали называть «мировой парень».

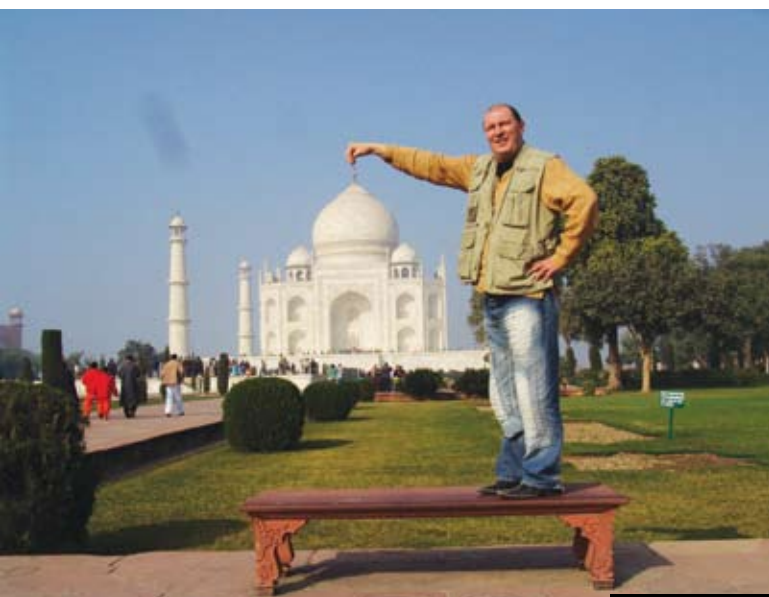
Как-то в трудные «купонные» годы Коля изыскал для актеров возможность подзаработать. Со спектаклем «Старомодная комедия», в котором были заняты я и Михаил Семенович Иоффе, он повез нас на малые гастроли по районам Грузии. Декораций, разумеется, не было – мы довольствовались тем немногим, что было в местных клубах. Наши костюмы умещались в одном чемодане, который добросовестно таскал Коля. Рекламой служила афиша над кассой.

Я где-то читала, что в старину, когда в маленький городок приезжал цирк, он представлял парад-алле. Шли верблюды, медведи. Жонглеры демонстрировали свое мастерство. Это

делалось для пробуждения интереса. Когда наша неразлучная троица появлялась на улице, мы невольно представляли собой своеобразный парад-алле. Миша, в белых кедах, в длинном, лохматом бордовом свитере почти до колен, в белой полотняной спортивной кепочке с пластмассовым козырьком. Я тоже в кедах, в обтягивающих джинсах, такой же кепочке. Завершал шествие Коля в светлом пальто до пят, с поясом. Наш несколько эксцентричный вид вызывал, если не изумление, то интерес районного зрителя. А если говорить серьезно, то мы не ожидали такого теплого приема. На каждом спектакле зал был заполнен до отказа.

По окончании спектаклей – цветы, корзинки с фруктами и обязательный банкет с участием районного руководства. Словом, первые гастроли были организованы Колей очень комфортно для их участников.

На отдыхе

Миша шутил: «Я чувствую себя, как зарубежный гастролер».

Вот что вспомнилось в эти дни, когда грибоедовцы отмечают юбилей генерального директора театра Николая Николаевича Свентицкого.

Дорогой Коля! Я искренне поздравляю тебя.

50 лет – это пик творческих возможностей человека. Еще достаточно времени, чтобы двигаться вперед.

Желаю тебе крепкого здоровья, счастья, удачи, преданных друзей! С твоим жизнелюбием и энергией еще много можно сделать интересного.

Не останавливайся, ибо дорогу осилит идущий.

НАТАЛЬЯ БУРМИСТРОВА

Народная артистка СССР

Почетный гражданин г. Тбилиси

ШИРОКИЙ КРУГ ЕГО ЖИЗНИ

Мы познакомились три года назад, когда в Тбилиси, в театре имени А.С. Грибоедова готовился тройной праздник: фестиваль «Виват, Санкт-Петербург!» и два 100-летних юбилея – поэта Николая Заболоцкого и моего отца, Константина Шах-Азизова, долго работавшего в Тбилиси. Три праздника разом, в один вечер, – две выставки и спектакль-концерт, прекрасно дополнившие друг друга.

Меня многое удивило тогда: размах замысла, слаженность выполнения, живой интерес тбилисцев – толпа народа в холодном здании грибоедовцев. И редкого свойства энергия Николая Свентицкого, сосредоточенная, целенаправленная, без тех лихорадочных выбросов, ажитации, суеты, которая в таких случаях бывает. Я тогда не знала еще, что это в природе его – рискованные затеи, масштаб и сложность задач. Здоровый авантюризм театрального человека и менеджера в одном лице; удачное сочетание для всяких творческих начинаний.

Удивление мое росло по мере того, как я узнавала о делах «Русского клуба» и Грибоедовского театра, где один в двух лицах правит Свентицкий: спектакли, гастроли, фестивали, юбилеи разного рода – то театра, то человека... Круг его дел разрастался и – странное дело! – чем шире был этот круг, тем ярче и успешнее проекты, увенчанные юбилеем Грибоедовского театра в прошлом году.

Когда задумываешься: отчего? Что побуждает его все это придумывать и, главное, осуществлять? С такой-то энергией и деловой хваткой, да с нынешней свободой действий, он мог сделать свой личный бизнес, богатеть и время от времени ради приличия даровать что-нибудь искусству. Не тут-то было однако; что-то ему мешало.

Прежде всего – театр, коллективное дело, собирающее людей – поверх границ, режимов, политики и любых предрассудков. Так, как удалось собрать грибоедовцев из разных стран и континентов. Как нынешний мир, полный разлада и смуты, спасается театральными фестивалями...

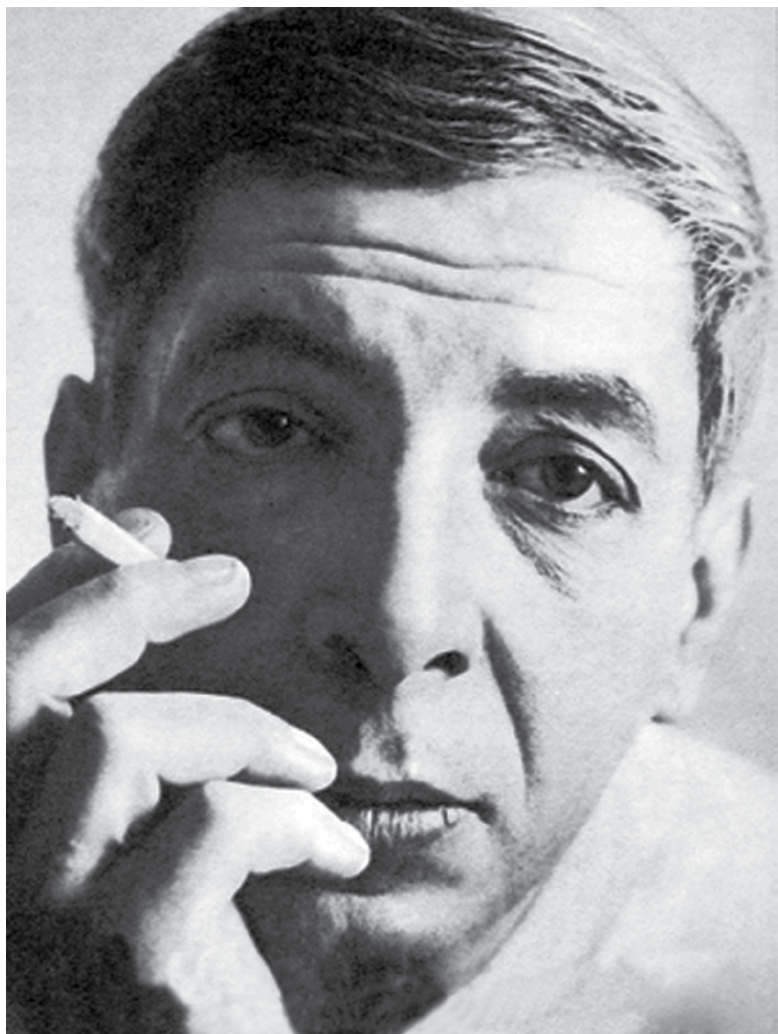
А еще есть и время, с которым Свентицкий в контакте. Время сложное, разное и опасное, но со своими условиями игры. Одно из них – широта, динамизм, бесстрашие поисков. Стоять нельзя – пропадешь; надо двигаться и меняться. И Свентицкий, не ограничиваясь театром, постоянно меняет курс, добавляет себе задач. Здесь музыка, и музеи, и свой журнал «Русский клуб», с его маленькой чудной командой...

И, наконец, сама Грузия с ее открытостью для иных культур, для контактов творческих и житейских. Родная для русских, всегда находивших здесь дружбу, приют, укрытие от невзгод. Связь давняя, такой прочности, что вряд ли возможно ее разорвать. Во всяком случае, пока такие люди, как Николай Свентицкий, этого не хотят...

ТАТЬЯНА ШАХ-АЗИЗОВА

«Для любви нет срока - ни маленького, ни большого»

*К 75-летию со дня рождения
Микаэла Таривердиева*

«Тбилиси - полифонический город» - так мог сказать о Тбилиси только музыкант. И только тот, кто впитал в себя его дух, кто носит этот город в сердце. Так называл Тбилиси народный артист России, композитор Микаэл Таривердиев. Это был не просто город его детства и юности, где жили несколько поколений его предков, здесь он родился и как композитор. «Мне нравится музыка, которая обращена к душе, к Богу. Я хочу добра...» - эти его слова в наши дни нашли самый горячий отклик. И не где-нибудь в благополучном уголке мира, а в сегодняшнем Тбилиси, еще не остывшем от бурных политических перепалок с Москвой и грозных санкций России, больно ударивших по людям. Среди этого внутреннего раздора Таривердиев «хоть ненадолго» подарил родному городу островок тепла и гармонии. Случилось это на вечере памяти композитора, который 10 октября прошел на сцене Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Его инициатором и организатором был Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» и его президент Николай Свентицкий, а осуществлен проект при поддержке благотворительного фонда «Карту».

В зале не было свободных мест. Таривердиев в этот вечер стал неким символом духовного единения людей и ценности самой личности человека, вне зависимости от национальности и гражданства. На это время все сидящие в зале почувствовали себя гражданами мира, имя которому музыка. Недаром сам композитор, тбилисец с

армянскими корнями, говорил: «Я по национальности Таривердиев».

75-летие со дня рождения композитора отмечалось таривердиевски щедро и радужно - никакого официоза и скучных речей. Это было музыкально-эстрадно-театрализованное представление. Царила музыка, красочная игра света и цвета, любимые всеми мелодии. И, конечно, живое звучание инструментов - то в новой, то в знакомой аранжировке в исполнении Темура Маисашвили (клавишные) и Како Вашаломидзе (гитара). Фортепиано и вторая гитара были отданы Ирме Сохадзе, которая с легкостью меняла роли - то солистка, то аккомпаниатор, то певица, то ведущая, но главное, она была музыкальным руководителем проекта.

Театральность изначально была задумана режиссером-постановщиком Нугзаром Чхаидзе. На сцене читалась атмосфера города - садовые скамейки, фонари у задника, а на самом заднике, как на экране, время от времени возникали фотографии Таривердиева, съемки Тбилиси и дома, где он родился, и видеосъемки композитора, где он был узнаваемым и непредсказуемым. В таком сценическом пространстве песни звучали как-то особенно, еще и потому, что исполнители не просто пели, но жили в образах героев, создавали сюжет и характеры. В программе принимали участие артисты театра И.Мегвинетухуцеси, Н.Гомелаури, А.Мамонтова, С.Натенадзе, А.Бараташвили и артисты эстрады Э.Квалишвили, Т.Рцхиладзе, И.Шуглиашвили, Д.Отиашвили, а один балетный номер шел в исполнении Анны Гортиашвили (постановка Нукри Магалашвили).

Сценическое действие дополняли штрихи биографии композитора, которые от первого лица озвучивал актер Грибоедовского театра Джемал Сихарулидзе. Он был основным ведущим, но по ходу выступлений к его комментариям присоединялись все исполнители. Таким образом текстовые вставки превращались в своеобразные интермедии, они тоже шли под музыку, которая была точно подобрана по эмоциональному настрою. Потому на сцене возникали живое общение с искорками юмора, искренность и теплота. И все это передавалось залу – тишина, спокойные светлые лица и слезы на глазах зрителей. Музыка Таривердиева вносила непонятную ностальгически-щемлящую ноту тоски. По чему именно, и не поймешь. Наверное, по гармонии, которую он мог извлекать из этого дисгармоничного мира. Гармонии, которой нам так не хватает сегодня. Странно, но на вечеру даже молодежь испытывала ностальгию – в его музыке они ловили далекий отголосок своего детства. Права Вера Таривердиева, жена композитора: «Для любви нет срока – ни маленького, ни большого»...

Да, «все мы родом из детства». Композитор любил вспоминать, как в распахнутые окна их дома отовсюду неслась музыка, она была продолжением их двора, города. Мальчишкой он любил лазить по крышам, бегал к соседям играть на рояле, пока у хозяина не лопнуло терпение, и тогда родителям пришлось купить ему инструмент. Был еще один любимый город детства – Сухуми. Там жила его тетка, и его возили туда каждое лето. Став взрослым, он ездил в Сухуми уже в Дом творчества, лет 25 подряд. Он признавался, что потом ему всегда мешало «отсутствие гор на горизонте». Недаром Белла Ахмадулина напророчествовала: «Про Грузию забыв неосторожно, в России

быть поэтом невозможно». Это относится не только к поэтам. К музыкантам, быть может, в большей степени. И творчество Микаэла Таривердиева – подтверждение тому.

В большую музыку он пришел тоже из детства. Гарик, как называли его домашние и близкие, был ужасным непоседой, не любил учиться даже музыке. Если бы не настойчивость матери и пленительное пение ее сестры, веселой и жизнерадостной студентки консерватории, обожавшей Шуберта, он, может быть, и не стал бы компози-

тором. Впрочем, вне зависимости ни от чего, он был музыкантом, что называется, от Бога, он моментально мог воспроизвести на пианино все, что слышал, и бесконечно импровизировал. Даже на встречах одноклассников, если там оказывался инструмент, он не отходил от него, умудряясь, серьезно или иронично, аккомпанировать любому разговору. В знаменитой 43-й школе в Сололаки его в шутку называли Почтивердиев, имея в виду Верди.

Но кроме музыки тогда у него были и другие увлечения – поэзия, философия, спорт. И, конечно, прекрасная половина человечества. Как-то его увидели с очень некрасивой девушкой. «И что ты в ней нашел?» – удивлялись друзья. «В ней есть что-то от Пикассо. Она очаровательно несимметрична». Из воспоминаний школьных друзей выяснилась еще одна особенность – он любил ухоженные женские руки: «неухоженные руки не для меня».

В 16 лет прошла первая публичная премьера Таривердиева. В Тбилисском театре оперы и балета поставили два его одноактных балета в исполнении учащихся хореографического училища. Как вспоминал сам Таривердиев, предшествовал тому разговор с балетмейстером Жорой Геловани, услышавшего его импровизации и оценившего дар начинающего музыканта. «Ты не хочешь написать балет?» – «Хочу. Но не знаю как» – «Я напишу либретто, а ты музыку». На гонорар он купил себе шляпу.

А потом была Москва, вступительные экзамены в институт им. Гнесиных с конкурсом 28 человек на место. И учеба по классу композиции у Арама Хачатуряна. Студенты обожали этого мастера – он сочетал в себе дар композитора, артистизм, яркий темперамент и педагогическое чутье. У него был особый талант разгадать индивидуальный склад дарования каждого ученика.

Юный Таривердиев успевал все, и все у него ладилось. Уже на третьем курсе были изданы его первые романы. На четвертом – случилась первая работа в кино. На пятом курсе он уже делал свою первую картину на студии имени Горького... В год окончания института он был принят в Союз композиторов, а еще через год – в Союз кинематографистов, сразу после выхода фильма «Человек идет за солнцем». Это давало ему право официально нигде не числиться на работе. У него никогда не было трудовой книжки, что по тем временам было редкостью – можно было загреметь в тюрьму за тунеядство. Зарабатывал на жизнь он музыкой к кино, написал музыку к 132 кинофильмам. Конечно, делал это не только для заработка. Он работал очень быстро, и оставалось много времени делать то, что хотелось. Всегда параллельно шла работа над камерной вокальной музыкой, он написал четыре оперы, четыре балета, позже – органные, инструментальные произведения. Таривердиев всегда делал только то, что ему хотелось делать... И это считал своей главной удачей...

Но это было потом, а пока он оказался в Москве середины прошлого века – городе юношеских надежд, исканий и новых друзей. Его цикл песен на стихи раннего Маяковского послужил знакомству с Лилей Брик, дом которой был полон самых интересных людей. Его новые друзья – Ахмадулина, Евтушенко, Вознесенский, Ефремов, Щедрин, Плисецкая, Тарковский, Аксенов, Окуджава... Вечера в Политехническом музее, всплеск новой волны 60-х... Те, кто знал его, ценили его способность жить широко, щедро, без перестраховки. Его незаурядность была очевидна. У него был свой взгляд на вещи, свои открытия, свое отношение к музыкальной форме, инстру-

ментовке, к поэтическому тексту, интонации. Его музыку можно узнать с первых тактов, в любом жанре. «Иногда он обращает нас в старину, иногда, напротив, позволяет нам зайти далеко вперед, но каждый раз он залезает к нам в душу. У него особого рода современность - это эмоциональный и глубоко прочувствованный мир», - говорил о Таривердиеве Борис Покровский. С оперы Таривердиева «Кто ты?» начинался знаменитый Камерный театр Покровского. А «Граф Калиостро» вот уже пятнадцать лет остается в его репертуаре.

Таривердиев всегда находился в постоянном движении, придумывал что-то новое, ставил для себя новые задачи. Уже в студенческие годы у него сформировались свои принципы камерной вокальной музыки. Первое, что отмечают все, это драматургичность: любой его романс или песня это маленький спектакль с массой неожиданных поворотов, деталей. Он музыкально интерпретирует стихи, как драматический актер. Кстати, сам он поет именно в такой манере. А кажущаяся простота мелодического рисунка у него сочетается с гармонической изысканностью.

Он как никто находил пропорции «серьезного» и «легкого», новые взаимосвязи между ними. Таривердиев работал на стыке жанров и открыл, по определению Родиона Щедрина, «третье направление», где пытался соотнести музыку популярную и серьезную. Его философия - с одной стороны, вызов академизму, а с другой - удар по пошлости массовой культуры. Он хотел примирить две полярные эстетики, две почти враждующие аудитории, ожесточенно отрицающие друг друга. Так стали появляться его странные циклы - не песни, но и не романсы. Эстетика «третьего направления». Композитор следовал принципу, что все сложное, новое должно находиться в оправе простого и привычного. У него этот сплав был естественен и органичен.

С Таривердиевым в кино и на эстраду пришла высокая поэзия, «замешанная на дрожжах философской глубины». Он пытался сделать ее более доступной. Отсюда его особое отношение к слову, объемность его звучания. Стихи Цветаевой, Ахмадулиной, Евтушенко, Вознесенского, интересные для узкого круга любителей, благодаря ему, стали известны в массах. В музыкальный быт пришла глубина смысла, изощренная рифма, неоднозначность образа. Он говорил: «Музыкальный ширпотреб обладает какой-то поразительной способностью убивать индивидуальность». Ему это точно не грозило. Он не писал шлягеров, песен, которые распевались бы в ресторанах. Единственный раз, и то на спор, он написал для кино то, что потом запели на всех углах - песню «Ты не печалься». Но больше он этого практически никогда не делал.

Он ворвался в музыкальный мир через кинематограф. Даже те, кто не знает композитора Таривердиева, наверняка слышали и «видели» его музыку в фильмах «Король-Олень», «Семнадцать мгновений весны», «Ирония судьбы, или С легким паром!», «Адам женится на Еве» - все эти мелодии, сойдя с экрана, вошли в нашу жизнь и остались в ней навсегда. «Мне всегда в кино было чрезвычайно интересно. Я любил эту атмосферу, в кино я мог ставить разнообразные творческие эксперименты, и это превращалось в своего рода топливо для работы в других жанрах». Композитор и в кино сумел сказать новое слово. Его музыка становилась как бы действующим лицом, входила в крупный план, давала свои эмоциональные акцен-

ты действию. Он создал новые принципы соотношения музыки и зрительного ряда, порой парадоксальные, даже конфликтные.

Он всегда ждал и искал близких ему по духу людей. Был невероятно строг в выборе исполнителей, дотошен и придирчив в работе, иногда месяцами добиваясь от музыкантов нужного ему результата. Алла Пугачева в «Иронии судьбы...» записывалась раз тридцать. Он был совершенно бескомпромиссен, если что-то его не устраивало. Однажды он услышал, как она поет на сцене «Мне нравится...» - очень резко, совсем не так, как она делала это в фильме. Они поспорили, и он попросил ее больше никогда не исполнять его произведений. Через сколько-то лет они случайно встретились на одном из фестивалей. Певица подошла к Таривердиеву и сказала одну только фразу:

«Мне нравится, что вы больны не мной». Повернулась и ушла. Больше их пути не пересекались...

Интересно, что свои воспоминания, не всегда радостные, он собрал под лирическим заголовком «Вперед, мне казалось, меня ждет только радость...» Хотя порой жизнь преподносила горькие сюрпризы. Взять хотя бы скандальную историю с музыкой к «Семнадцати мгновениям весны». Успех картины был оглушительный, песни бесконечно исполнялись по радио, телевидению. Вероятно, это не доставляло удовольствия некоторым его коллегам по цеху. Вдруг поползли мерзкие слухи, будто Микаэл украл музыку у французского композитора Франсиса Лея, в разные инстанции приходили липовые телеграммы якобы от самого Лея. Это продолжалось три месяца, пока сам Франсис Лей не прислал опровержение в Союз композиторов. Но радость от успеха картины была перечеркнута. Тяжело пережил Микаэл Леонович ситуацию, когда в Большом закрыли его балет «Девушка и Смерть».

Несмотря на широкую известность, путь композитора в Стране Советов не был усыпан розами. «...Сказать, что меня давили политически, было бы неправдой. В Союзе композиторов каждый четверг был политчас. И все туда приходили, потому что считалось - не прийти нельзя... За всю мою жизнь я не был там ни разу. И никто ни разу не посмел спросить, почему я там не был... Но зато вокруг меня была создана такая атмосфера, как будто меня вообще не существует. Нет такого человека. До конца семидесятых я не участвовал ни в бесконечных безразмерных фестивалях «Московская осень», ни в концертах Союза... Ту популярность, которая у меня была, я получил не благодаря, а вопреки деятельности Союза. Это было такое удушение через подушку, не явное. Публично со мной не связывались, но любезно делали вид, что меня нет. И меня это вполне устраивало. Я жил своей отдельной жизнью».

Несмотря ни на что, Таривердиев умудрялся оставаться жизнелюбом. Его любимая фраза: «Я не могу жить без любви». С первой женой он довольно быстро развелся, оставив ей недавно полученную квартиру. «Ушел с чемоданом практически на улицу». Он был человек увлекающийся и увлеченный. «Жадный уловитель окружающего мира» - по словам его друга Родиона Щедрина. У Таривердиева было пристрастие к фотографии, он хотел запечатлеть все и снимал в разных уголках мира. Он прекрасно владел виндсерфингом, водными лыжами (причем, освоил уже в зрелом возрасте, потому как в юности этого вида спорта просто не было). Умел жить полно, жадно, без оглядки. «Я свою норму знаю», - говорил он, когда друзья советовали ему не перегружаться. Особенно после инфаркта. Но он нормы не знал и знать не хотел - ни в творчестве, ни в жизни. В очередной раз поехал на отдых в Сочи, кроме любимых морских удовольствий собирался записать очередную часть мемуаров, но диктофон больше не понадобился владельцу...

Последнюю главу книги по его старым записям дписала его жена, Вера Таривердиева. Они прожили вместе всего 13 лет. Он был старше ее на 26 лет, но этой разницы никто не замечал, настолько он был сильной и светлой личностью. О своей последней жене Микаэл Леонович говорил, что она единственная из всех его жен родная, остальные были «двоюродные». Книга Таривердиева называется скромно «Я просто живу». Но этой простоте мог бы позавидовать каждый.

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

ЦЕНЮ ПРОСТОТУ И ОТКРЫТОСТЬ

Воплотить на сцене образ Наполеона – задача не из легких даже для самого мощного по таланту актера. В этой роли в спектакле «Избранник судьбы» Б. Шоу в прошлом театральном сезоне предстал Слава Натенадзе, актер сразу двух театров, расположенных по соседству, – имени А. С. Грибоедова и «Тависупали». На обеих сценических площадках он много и интересно работает. Успех сопутствует ему как в драматических, психологических, так и в комедийных, гротесковых ролях. В 1987 году Натенадзе наградили за лучшую мужскую роль, сыгранную в спектакле «Яйцо» Филисьена Марсо-Мажи...

«МЫ ВСЕ ГЛЯДИМ В НАПОЛЕОНЫ?»

- В спектакле «Ханума» вы по-французски целую ругательную фразу произносите. Хорошо владеете языком или ловко обманываете публику?

- Абсолютно не знаю французский. В молодости я чувствовал тягу к иностранным языкам и имитировал арабский, французский. Чуть-чуть владею английским... и русским (смеется). Вообще-то я грузиноязычный. Отец мой русский, мать грузинка, но мои родители расстались, когда мне было всего три месяца. По объективным обстоятельствам. Я родился в Грузии, вырос в грузинской семье, окончил грузинскую школу.

- Спросила о французском не случайно. Глядя на вашего Наполеона, подумала, что вам, может быть, близки французская культура, история, язык.

- Интерес к этому, конечно, есть.

- Как вы покоряли этот Эверест – образ Наполеона? Ведь работа над такой ролью – это своего рода борьба, не так ли?

- Скажу вам откровенно, борьба была тяжелая. Потому что Наполеон Шоу – это совсем не тот Бонапарт, которого мы знаем. Ведь второе название пьесы – «Рождение Наполеона». Мы видим становление героя. Это еще совсем молодой человек, который только-только формируется как Наполеон, великий полководец. Эта задача оказалась трудной для меня в чисто психологическом отношении. Волей-неволей меня тянул за собой тот великий, уже сложившийся Наполеон Бонапарт. Хотя мой

Слава Натенадзе

герой на самом деле еще только пытается разобраться в себе, никакого величия в нем пока нет! Но мне было не просто освободиться от известного стереотипа...

- Как вы сопротивлялись этому стереотипу?

- Я постарался полностью закрыть глаза на императора Наполеона и играть обычного человека, которому приходится решать какие-то проблемы в предлагаемых обстоятельствах пьесы. Иначе ничего бы не получилось.

- Как по-вашему, выступая в роли коронованной особы, военачальника, героя, актер обязательно должен соответствовать масштабу личности своего персонажа?

- Если ты соответствуешь, если общество считает тебя личностью, это прекрасно. Это желание каждого человека, особенно в нашей профессии. В то же время совсем не обязательно быть таким же масштабным, как Иван Грозный, чтобы интересно, ярко воплотить на сцене его образ. Это – актерское мастерство! Ты должен разобраться в своем герое, изучить его, найти положительные черты и минусы, а потом использовать свои обретения на сцене. Если сможешь.

- Это та роль, о которой вы мечтали?

- Нет, пожалуй. Но было интересно.

- «Мы все глядим в Наполеоны...» А вам свойственны какие-то черты Наполеона? Честолюбие, например?

- Честолюбие есть в каждом человеке. Главное, насколько ты умен, чтобы скрывать это. Некоторые проявляют это качество прямо на каждом шагу. Думаю, мне свойственно честолюбие. Но я иногда проявляю его – в

«Жизнь прекрасна»

«Ханума»

хорошем и в плохом смысле – только в среде близких людей, где я полностью свободен. Проявление излишнего честолюбия со стороны выглядит очень неприятно. Стараюсь быть поскромнее.

- Иногда приходится слышать, что скромность отнюдь не украшает. Особенно в актерской профессии, да еще в наше время... Все только и делают, что самоутверждаются, и нередко за счет других.

- Если ты хорошо знаешь свое дело, если в твоей профессии все разложено по полочкам, это всем видно. Ты за-

метен, востребован! А наглость нужна тем, у кого что-то не совсем в порядке... Как актер театра я вполне доволен своей судьбой. Несколько по-другому сложились мои взаимоотношения с кино. Может, здесь и нужно было проявлять напористость в более молодые годы. А когда поезд уходит, в него практически невозможно запрыгнуть! Мне жаль, что так сложилось... Поезд ушел еще во времена моего студенчества. Когда я учился на втором курсе, меня пригласили на кинопробы. В результате я был утвержден на главную роль в грузинской полнометражной картине «Капитаны», однако моя наставница в Театральном институте Татьяна Бухбиндер не разрешила сниматься: занимайся, дескать, учебой. Были случаи, когда за участие в съемках отчислили из вуза. Хотя я все-таки снялся в телефильме – сыграл молодого председателя колхоза. Это была, между прочим,

«Груз человека»

замечательная, скандальная пьеса Шошии Чхеидзе. А несколько лет тому назад я снялся в главной роли отца семейства в сериале «Тбилисские истории». Мне пришлось встретиться на съемочной площадке с Николаем Караченцовым. У нас были очень интересные сцены...

- Какой бы ты ни был замечательный актер театра, именно кино делает тебя популярным. Хотя только театр полностью выявляет, на что актер способен, не так ли?

- Это уже другой вопрос. Я считаю, что актеру в театре намного сложнее и интереснее, чем в кино. Потому что каждый раз на сцене ты заново проживаешь жизнь своего героя. Сейчас, сию минуту. А в кино после энного количества дублей сыграл, добился нужного результата – и кончено. Это было зафиксировано на пленке и стало достоянием публики. На сцене каждый раз добиваться максимального творческого результата немислимо.

«Я ВДОХНУЛ ТЕАТРАЛЬНУЮ ПЫЛЬ!»

- Наблюдала за вашей работой на сцене и отмечала, что это плод не только актерского мастерства, но и долгого, тщательного труда. Таковы ваши чеховский персонаж в спектакле «Жизнь прекрасна» или Тимоте из «Ханумы». Причем в вашей актерской палитре есть как психологические, так и гротесковые краски. У кого вы учились актерскому мастерству?

- У Тани Бухбиндер. Потрясающий, музыкальный, всеобъемлющий человек! Она была дочерью известного дирижера Михаила Бухбиндера. В молодые годы он работал

в Новосибирске, а потом приехал в Тбилиси в качестве главного дирижера оперного театра. А я ведь окончил факультет музыкальной комедии... С самого детства я здорово пел, пел постоянно, побеждал на разных конкурсах, играл очень хорошо на скрипке и тоже становился победителем на конкурсах республиканского масштаба. Все готовили меня к поступлению в консерваторию, я совершенно не думал о театре... Однако когда учился в шестом классе, соседка, актриса Меги Тухишвили предложила мне сыграть одного из сыновей Медеи в одноименном спектакле – его поставили на сцене Ахалцихского драматического театра. Дело в том, что я родился и окончил школу в Ахалцихе. А в спектакле мне не надо было делать ничего особенного – я должен был выбежать на сцену и что-то крикнуть. Я глотнул театральную пыль – и все! Канули в Лету мечты о консерватории, вокале, скрипке...

- Вы сразу почувствовали себя на сцене комфортно?

- Я словно в сказку попал – сцена, рампа, постоянные разъезды с труппой! Это было время, когда театры постоянно разъезжали по разным городам и селам. Иногда играли на открытой площадке. Я ездил с ними, спал в автобусе, возвращался домой под утро. Ощущал себя в совершенно ином мире, забыв обо всем на свете, стал плохо учиться.

А после школы поехал в Тбилиси поступать в театральный. Узнал, что есть факультет музкомедии, и решил, что это синтез театра и музыки. Я не имел никакого представления о жанре музыкальной комедии, не знал, что нужно заниматься классическим вокалом, а я вообще не очень люблю оперу... В школе у меня был свой эстрадный ансамбль, исполнял я и грузинские народные песни. Словом, я понятия не имел о музыкальной комедии, но поступил именно на этот факультет. А потом, во время лекций гулял по институту, заходил в разные аудитории, к Михаилу Туманишвили, Лили Иоселиани, но так, чтобы Таня Бухбиндер об этом не узнала. Естественно, я бы никогда не решился перейти к другому педагогу, хотя такое иногда случалось. Но Таня была очень интересным, особенным человеком... Закончив факультет музкомедии, я все-таки ушел в драму.

- Потому что почувствовали, что там лучше сможете раскрыть свои возможности?

- Просто я хотел быть актером драматического театра. Может, я ошибся – не знаю.

- А после окончания вуза ваши дела сразу пошли хорошо?

- На курсе я был первым и любимчиком Танечки Бухбиндер... А после института все сразу сложилось хорошо. Наш дипломный спектакль «Трехгрошовая опера», в котором я играл две роли – Пичема и уличного певца, был перенесен на сцену Метехского театра. Его возглавлял Сандро Мревлишвили. Потом на меня, мой голос он поставил мюзикл «Корабль дураков»... В нем принимали участие музыканты известного тогда «ВИА-75». Мы отыграли всего несколько спектаклей в Тбилисской государственной филармонии. В самом Метехском театре была необычная, замечательная, творческая атмосфера, но она не подходила для мюзикла. А специально арендовать зал мы просто не могли. Не могу сказать, что спектакль до конца получился. Все-таки у нас не было и нет практики постановки мюзиклов. Этот жанр требует абсолютно других качеств. Но для меня «Корабль дураков» стал блестящей практикой – я исполнял главную роль, пел.

«Яйцо»

«СКАЗКА УШЛА, НО ТРЕПЕТ ОСТАЛСЯ!»

- Что вам сегодня не хватает в вашей актерской профессии?

- У актеров всегда есть ощущение, что им чего-то не хватает. Очень трудно ответить на этот вопрос мне. Как бы все ни было хорошо, хочется большего. Актер – профессия зависимая. Тем более, когда он в большом творческом коллективе. В театре другая точка опоры, которая называется не актер, а режиссер. А у него, как правило, свои планы.

- Некоторые актеры, чувствуя неудовлетворенность, уходят в режиссуру. А у вас подобного желания не возникало?

- Был такой момент в молодости. Но мне не хотелось бы просто где-то играть и ставить спектакли по знакомству, как это происходит сплошь и рядом. Если уж заниматься режиссурой, то всерьез – все забросить, поехать в Москву и учиться профессии. Со временем я понял, что меня бы режиссура тяготила. Это не мое! Я – актер. Тридцать лет на сцене! Переиграл большое количество ролей – главных, второстепенных, третьестепенных... Я благодарен Сандро Мревлишвили за огромный актерский опыт. Это были годы, когда я постоянно играл, спектакли шли каждый день. У меня не было ни одного свободного вечера. Я совершенно выдохся! Но, оказывается, это было необходимо мне в профессиональном отношении. Сандро Мревлишвили – интересный человек, умный, начитанный... В Метехском театре ставил и наш Авто Варсимашвили: я сыграл в его «Дон Жуане» Лепорелло.

- Какими ролями особенно дорожите?

- Пожалуй, это Лепорелло, тот же Пичем из «Трехгрошовой оперы». В брехтовском спектакле я пел, играл на инструменте...

Дорогой мой зритель!
Жизнь Прекрасна! — Будьте
здоровы и полны любовью к Театру —
иначе «Моя жизнь терает смысл»
Славя Натенадзе.

- Может, этого вам сегодня и не хватает?

- Может быть, музыкальной стороны мне действительно не хватает. Несколько раз я собирался подготовить какую-то программу, и худрук Авто Варсимашвили был бы не против, если бы я поставил в «Тависупали» какой-нибудь музыкальный вечер. Но я себя останавливаю. Не хочется делать просто какой-то вечер. Это должен быть театр, а не суррогат.

- Кого вы играете в новой постановке Авто Варсимашвили «Мастер и Маргарита»?

- Буфетчика.

- Вы любите этот роман?

- Конечно. Очень серьезное, интересное произведение. По Грузинскому телевидению показывают сейчас фильм Владимира Бортко «Мастер и Маргарита», а я возмущаюсь. Зачем озвучивать этот фильм, когда 90 процентов

населения знает русский язык? Нужно слушать мелодику речи, текст Булгакова... или же заниматься настоящим, большим дубляжем. Вкладывая большие деньги и озвучивая как следует, полностью. Ужасно слушать неудачный грузинский и одновременно хороший русский текст. Согласитесь, лучше слушать «Мастера» на языке оригинала, чем на грузинском языке.

- А как относитесь к тому, что вам придется играть в новом спектакле эпизодическую роль?

- Нормально. Если спектакль хороший, интересный. Так, в «Комедиантах» я сыграл небольшую роль. Вы считаете ее эпизодической?

- Это замечательная ваша работа!

- А в «Мастере» все персонажи очень интересны...

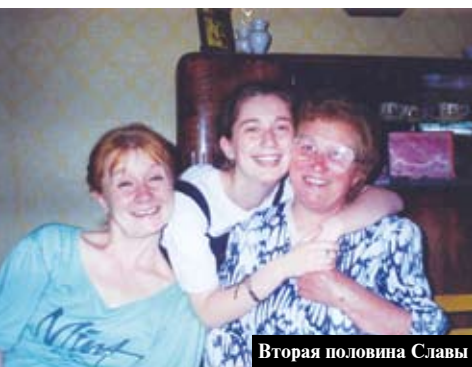
- Что вы делаете, чтобы привести себя перед спектаклем в нужное психологическое состояние?

- Все за годы так наработано, что не нужно прилагать особых усилий для достижения нужного психологического состояния.

- Вы сказали, что театр был для вас в детстве сказкой. Не притупилось ли с годами ваше восприятие театра как бесконечного праздника? Не наступила

ли усталость? Не бывает такого настроения, когда просто не хочется выходить на сцену?

- Детское отношение, естественно, ушло, но не трепет.

Вторая половина Славы

С Н. Караченцовым

Слава - студент

Пришло другое - ощущение своей профессии и обязательств. Пока что нет такого состояния: «Все, не хочу!» Предстоит еще, надеюсь, много работы. Есть планы.

- Есть конкретная актерская мечта?

- Ничего конкретного. Хотелось бы прикоснуться к Шекспиру, но о конкретной роли не мечтаю. Получится - хорошо. Я не из тех актеров, которых называют невос требованными. Наверное, поэтому и так спокойно ко всему отношусь.

- Расскажите о семье. Вы женаты?

- Давно. Моя дочь - специалист немецкого языка. Я воспротивился тому, чтобы она пошла по моим стопам. Зная специфику нашей профессии, тем более в нынешнее сложное время, когда происходит жесткий естественный отбор. У нас страшная профессия, это адский труд, хоть я и обожаю свое дело. Но если ты не удался как актер, то хуже ничего быть не может. Я испугался за дочь. У нее были данные, но... я был не уверен, что из нее получится, скажем, звезда. А держать всю жизнь флаг на сцене - ужасно! Недавно дочь вышла замуж. Скоро я стану дедушкой и жду этого с нетерпением. Всегда любил детей. С ними у меня складываются простые, хорошие отношения. Моя супруга Нази Элиджарова - тоже актриса, работает в Театре мюзкомедии. Мы однокурсники, поженились сразу после института.

- Столько лет в браке! Такое не часто в актерской среде...

- Актерская среда огромная! Просто мы на виду, и отдельные случаи разводов выпирают. Хотя актеры разводятся не чаще людей других профессий.

- В чем, по-вашему, секрет стабильного, счастливого брака?

- До конца жизни свежесть чувств сохранить невозможно. Мы, актеры, - люди эмоциональные, импульсивные. Наступает момент, когда в отношениях происходит какой-то положительный взрыв и все начинается заново. Потом появляется ребенок... У меня, к примеру, повышенное чувство ответственности перед семьей. Что может произойти такое между супругами, чтобы отодвинуть в сторону ребенка, его судьбу? Я вырос без отца и знаю, что это такое. Я на себе нес эту ношу всю жизнь. Мать - это мать, но мне всегда недоставало еще одного главного звена - отца. В детстве психологически все время отставал от своих сверстников, постоянно их догонял... потому что чему-то меня не научил отец.

- Что ненавидите и цените в людях больше всего?

- Ценю простоту и открытость, прямоту. С таким человеком всегда легко в общении, все течет как по маслу. Ненавижу скрытность, зависть, аферы. С такими людьми, к сожалению, иногда приходится сталкиваться. Я знаю им цену...

- А судьба мужчины действительно висит на подвязке женщины, как утверждает Шоу в своей пьесе «Избраннык судьбы»?

- Роль женщины в судьбе мужчины велика. И наоборот: судьба женщины также висит на подвязке мужчины... Но женщина! Очень важно, как она встречает мужчину, как ведет себя, насколько она его понимает. Тогда у него все идет хорошо. Как только что-то не то - рушится все и на дворе, и в семье, и в профессии! Вообще необходим баланс: нельзя жить только семьей - как нельзя всецело отдавать себя профессии.

- Слава, а как вы любите отдыхать?

- Не люблю ездить на море. Обожаю лес, природу...

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ЭТО ВДУМЧИВОЕ, МЕДЛЕННОЕ КИНО

Подведены итоги седьмого Тбилисского международного кинофестиваля «Прометей», организованного Центром киноискусства «Прометей» и Национальным центром кинематографии Грузии (генеральный спонсор – компания «Magti»). Обладателем статуэтки «Золотой Прометей» стала картина немецкого режиссера Детлефа Бука «Крепкий парень». «Серебряный Прометей» (за лучшую режиссуру) и приз имени Сергея Параджанова достался фильму кинематографистов Латвии «Падение» Фреда Келемена. Приз критиков FIPRESSI вручили испанской картине «Леон и Олvido» (режиссер Савиер Бермудес), спецпризом была отмечена и актерская работа исполнителя одной из главных ролей этого фильма Гильема Хименеса.

Сразу хочу подчеркнуть достойный уровень практически всех десяти картин, представленных на конкурс. Пусть в них не оказалось особых кинематографических открытий, однако каждая работа отличалась гуманизмом, высокой духовностью, культурой. Посмотрев очередную картину, зритель долго находился под впечатлением от увиденного. Все фильмы были обращены к человеческой совести. Как человеку оставаться ЧЕЛОВЕКОМ – вопреки законам выживания и, соответственно, инстинкту самосохранения? Как отметил член жюри фестиваля, режиссер и продюсер Михаил Калатозишвили, эти картины относятся к категории «медленного, вдумчивого кино», а мы так по нему соскучились, поглощая в несметных количествах, как чипсы или поп-корн, американские блок-бастеры.

Открылся фестиваль по традиции картиной Отара Иоселиани «Сады осени». Мэтр, снимающий всю жизнь одно бесконечное кино, стал как бы камертоном этого кинофорума.

В конкурсе участвовала российская фантастическая картина режиссера Николая Хомерики «977». Это число – код, выражающий математические закономерности в эмоциональном, духовном мире человека. 977 означает максимальную интенсивность, глубину внутренней жизни, это своего рода абсолют. Далеко не каждый способен «дотянуть» до этого уровня. Главный герой – ученый. Он вовлечен в научный эксперимент, стремится разобраться в тайне кода 977 и перейти таинственную черту, отделяющую просто человека от абсолюта... Фильм чем-то напоминает «Солярис» и «Сталкер» Андрея Тарковского.

Порадовали поляки, представив сразу две картины – «Сборщик налогов» и «Полный полдень». В первой (режиссер Феликс Фальк) все предельно социально заострено. Главный герой, налоговый инспектор, в погоне за деньгами, «искушаемый лукавым», совершенно потерял совесть, перешел тонкую грань, разделяющую добро и зло.

Гораздо светлее интонация другой картины – «Полный полдень» (режиссер молодого поколения Пжемислав Войчешек).

Произвел впечатление фильм «Чужое счастье» (Фин Трох, Бельгия – Нидерланды). Детективный сюжет – лишь форма, за которой горькие размышления на тему «чужого горя не бывает», все причастны и все виноваты... если даже юридически и не отвечают за преступление. Равнодушие, беспечность, малодушие не наказуемы? В этом сомневаются создатели этой «медленной, вдумчивой» картины.

Близка идея этого фильма картина «Падение». Главный герой, бомжеватый, пьющий, одинокий человек по имени Матис, работник архива, стал невольным свидетелем самоубийства молодой женщины, не сумел помешать ей осуществить задуманное. Ее смерть буквально переворачивает его сознание. Он понимает, какую трагедию пережила незнакомка, решившаяся на столь отчаянный шаг...

На мой взгляд, фильм «Падение», снятый, кстати, на черно-белой пленке, несколько растянут. Однако в нем есть та самая завораживающая магия кино. Жюри отметило картину за верность стилистике, в которой сейчас уже почти никто не снимает.

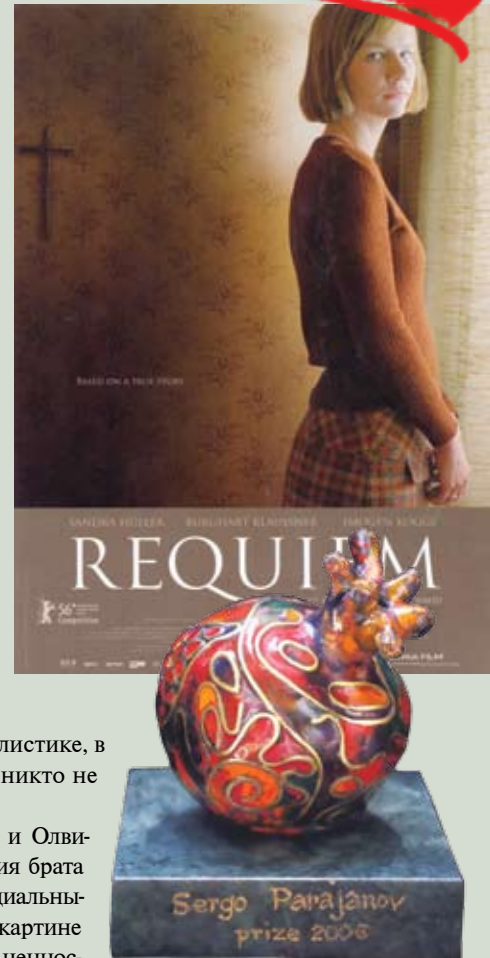
Чудная работа – «Леон и Олvido». Это трагическая история брата и сестры, «загнанных» социальными обстоятельствами. В картине культивируются семейные ценности, говорится о сострадании, милосердии... Однако эти ценности подвергаются испытанию жестокими реалиями: безработица, безденежье. Несмотря на все эти страшные перипетии сюжета, фильм получился очень добрым... Во многом благодаря актерам Марте Лорралде и Гильему Хименесу. Подкупает мягкий юмор, которым пронизана картина.

Победитель фестиваля «Крепкий парень» – сюжетно незатейливая картина. Это мы уже не раз видели: мучительно трудное становление мальчика, превращающегося в мужчину. И этот путь героя фильма обогрен кровью: пятнадцатилетний Михаэл лишается невинности своей души, убив человека. Такова плата за раннее взросление, за попытку с чистыми руками играть в грязные игры взрослых.

Завершился фестиваль картиной грузинского режиссера Дито Цинцадзе «Человек из посольства». Она достойно увенчала фестиваль.

В рамках фестиваля были показаны картины в разных рубриках – «Форум европейского кино», «Новые немецкие фильмы», «Арте представляет», «Грузинская панорама» – документальное кино и короткометражные фильмы, «Памяти Левана Закареишвили». Прошли мастер-классы знаменитого британского режиссера Хью Хадсона, немецкого киноведа Ульриха Грегора, американского киноведа Джеймса Стеффена.

Среди многих интересных картин была показана документальная лента о выдающемся режиссере Михаиле Калатозове.

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ДАЛАОБА

*Ида Охели. Родилась в 1947 г. в Тбилиси. Грузия
В 1972 г. окончила Тбилисский педагогический институт им. А.С. Пушкина, факультет русского языка и литературы, в 1973 г. – Тбилисский госуниверситет, факультет искусств, класс живописи.
С 1972 г. – участник выставок в Грузии и за рубежом.
С 1981 г. – член Союза художников.*

С 1968 г. печатает в периодической прессе критические статьи по изобразительному искусству; автор каталогов и монографий о С. Кобуладзе, Д. Уклеба-Джотто, С. Горно-Поплавском, Бажбеук-Меликовых, альбомов: «Пою мое Отечество» и «Грузинские художники в Кавнаесе», книги о Гиви Тоидзе, видеофильма «Современное грузинское искусство».

Начиная писать прозу или поэзию, работая над живописным полотном, имея в замысле только идею, полагаюсь на внутренние импульсы; последние идут из

глубины души и, как мне кажется, подсказаны подсознанием. Подсознанию диктует космическая память, «всеобщий разум». А все остальное – перебирание аккордов словесных или колористических – это «техника», как настроенная гитара в руках барда.

ДАЛАОБА

Мне дано летать. Но не всегда, а только ночью, вернее под утро Когда спит все и вся, за минуту до пробуждения солнца. Вот так затаюсь у открытого окна и выжидаю. Смотрю на ночной город: раз, два, десять, двадцать – гаснут освещенные окна. Люди устали, отключили телевизоры, магнитофоны, компьютеры – за день они приняли огромное количество информации; сейчас – ночью будут посылаться знания «оттуда», и надо успеть принять эту ночную дозу, чтобы утром ее «переварить».

Первый импульс пробуждения для человека, как компас, стрелка – к добру, ко злу, как первый луч солнца для певчих пернатых, поймашь – поймашь, куда

вел «царский путь», сакраментальный путь «via regia»: к пониманию подсознательного. День дается человеку для просвещения, ночь – для приобщения к тайному, которое не всем дано знать.

День и ночь – это временной шаг, разница во времени.

Звезды начали бледнеть. Время, пришло мое время. Я раскидываю руки-крылья, вытягиваюсь в струнку, глубокий вздох и ... отрываюсь, и лечу, и смеюсь громко, залиvisto, ведь все спят, а я на высоте полета ласточек. С чем можно сравнить полет? Как могут бескрылые люди понять блаженство парения! Они плавают в четырех океанах земли и не подозревают о сказочности пятого! К тому же, он безопасен, в нем и утонуть невозможно, а встреча с акулами и китами и вовсе исключена.

Я летаю, я блаженствую, я... совсем забылась, так увлеклась полетом, забыла, что я на работе. Да-да, я на работе. А в чем заключается моя работа? За что мне платят зарплату? Нет, у меня не твердый оклад, мне платят по договору, гонорары! За каждую подслушанную, подсмотренную историю ночного освещенного окна.

Вот меня привлек вспыхнувшей головешки в камине, которая посылает на стены таинственные тени, устроившие там безумную пляску. Что делают эти две подруги, уже не девочки, но еще далеко не старушки? Примостилась у их открытого окна (я же невидима) и вся – внимание.

Ночи в августе жаркие, без воздуха; гудят и жужжат какие-то насекомые, издали облаиваются бездомные собаки. Почему в эту жаркую августовскую ночь разожгли камин?

– Сегодня Преображение Христово. Апостолы увидели лик Сына Божьего, от него исходило свечение. Они не смогли выдержать его.

– Да, сегодня 19 августа. И мы устроим Далаоба и преобразимся. Приобщимся к свечению.

Что это они жгут в камине? Тетради, тетради, тетради... Сколько их? Одна, две, три... девять.

– Девять кругов ада. Я люблю эти круги сознательной боли-радости.

– Не жалей. Жги, их все равно не сожжешь, не вычеркнешь из памяти, из сердца.

– Да и слезами не затушить этот огонь.

Улыбаются, слезами умываются у яркого огня.

– Когда мы начали записывать наши одиссеи?

– Август 1962 года.

– А сейчас? Август 2006 года.

Да...

– А если к шести прибавить два...

– А к двум – шесть?

– 1962 год и 2006 год: две восьмерки получаются?

– $6+2$ и $2+6$; цифра 8 – это бесконечность в математике...

– А август – восьмой месяц в календаре, опять восемь!

– 19 число. 9-1: восемь... Опять какая-то тайна. Сколько же лет прошло от 1962 до 2006? 44 года, $4+4$, опять восемь...

– Мистика какая-то... Даже страшно стало.

– Нет, не страшно. Это знак свыше, не напрасно были прожиты эти годы, вот что говорят эти цифры!

– Жизнь такая короткая, а помнишь, в детстве мы думали, какая она долгая!

– И жизнь короткая, и человек смертен. Думали, будем жить вечно... Это все иллюзия земная жизнь.

– Да... по ту сторону – великая вечность, великая реальность; там мы будем свободны и будем писать, писать, писать...

Костер разгорается, посылает очертания-тени, они оживают на стенах, на предметах, пляшут то отчаянно-лихо, то вальсируют щемяще. Что это они повторяют «Далаоба», «Далаоба»? Я знаю одно значение этого слова. В горах есть такой рай земной, оазис на планете Земля (я бываю там), где не оплакивает героев, а поют им хвалебную песнь, их храброму безумству, их неудержимому чувству свободы: там жена не плачет об умершем уже, там кинжал не ржавеет от крови. В том краю самая зеленая трава и самое голубое небо. А вода там какая вкусная!!! И там не говорят: хочу напиться воды, а жаждись. Красиво... Что делают мои верные подруги?

– А помнишь, мы давно-давно побратались!

– Да именно не посетрились, а побратались, по-мужски, по горским обычаям.

– И прожили мы жизнь по-мужски, без слез, без жалоб.

– И кровью закрепили честь быть человеком, ничто не выбило нас из седла.

Многое же я узнаю из их воспоминаний. А воспоминания-рукописи превратились в пепел. Они собирают его в целлофан, так аккуратно, чтобы не уронить ни одну строчку, ни одно слово... Что будет с этим прахом? Развеют его по ветру? Опустят в воды горной речки?

Милые мои мечтательницы, вы думали сожгли рукописи? Это для вас они пепел, а для меня это – оплотневшее сновидение. И я прочту его в рассеянном эфире, в воде, и в огне. Я умею читать пепел. Рукописи не горят! Разве вы не знаете этого, мои земные, крылатые мечтательницы? Я прочту их и напишу новеллу «Далаоба» и получу за нее гонорар!

Ида Опхели

ИДА ОПХЕЛИ

МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ

концерт памяти Шостаковича

В Тбилиском государственном академическом русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова состоялся симфонический концерт, посвященный 100-летию великого русского композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. В концерте, организованном международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб», наряду с грузинскими музыкантами приняли участие русские певцы из Санкт-Петербурга.

Перед концертом слушателям были розданы экземпляры книжки «Д.Д.Шостакович и грузинская музыка», подготовленной по инициативе «Русского клуба» (продюсер Н.Свентицкий).

Программа концерта состояла из 14-й симфонии и Камерной симфонии Шостаковича. Исполнителями предстали «Кавказский камерный оркестр» под руко-

водством проживающего в Тбилиси немецкого дирижера, пианиста и композитора Уве Беркемера и петербургские певцы: лауреаты международных конкурсов заслуженный артист России Петр Мигунов (бас) и Виктория Евтодьева (сопрано).

14-я симфония по своему камерному звучанию, сюитному принципу композиции (11 частей на слова Лорки, Аполлинера, Кюхельбекера и Рильке) и доминированию вокального начала стоит несколько особняком в симфоническом творчестве Шостаковича. Весьма специфичны ее музыкальное содержание и стиль, в которых преобладают сумрачные, порой, напряженные драматические настроения, философская медитация, монологичность, медленные темпы...

Сам композитор считал свое произведение своего рода продолжением трагического вокального цикла Мусоргского «Песни и пляски смерти».

Несомненно, что в лице оркестра и дирижера и, конечно же, П.Мигунова и В.Евтодьевой симфония Шостаковича получила талантливых и высокопрофессиональных интерпретаторов. Слушатели оценили по

В.Евтодьева и П.Мигунов

достоинству голоса певцов, их музыкальную культуру и манеру пения, которая, можно сказать, была вполне адекватной исполняемой музыки, ее художественному содержанию и стилю.

Во втором отделении оркестр под управлением Уве Беркемера превосходно исполнил Камерную симфонию Шостаковича (адаптация его известного 8-го квартета для камерного оркестра).

Общий характер музыки и здесь суровый, печальный, преобладают медленные темпы. Иногда это произведение называют «автобиографическим», поскольку в нем звучат автоцитаты из других сочинений композитора.

Концерт прошел с большим успехом. Исполнителей наградили долгими аплодисментами. Русские певцы не могли скрыть своих эмоций, вызванных столь теплым их приемом.

А в это время в Москву летели самолеты, в которых находились русские дипломаты, сотрудники российского посольства в Грузии и члены их семей...

ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

ПРИШЕЛЕЦ ИЗ МУЗЫКИ

Известный музыковед, выдающийся собеседник великих людей, автор многочисленных книг, в том числе бесед с Шостаковичем, Баланчиним, Бродским, Соломон Волков однажды сказал о Гидоне Кремере: «Гидон Кремер, с которым я знаком много лет еще со школьной скамьи - одна из самых необычных фигур на современной музыкальной сцене. Во-первых, и выглядит он, когда выходит к публике, весьма эксцентрично - долговязый, внешне нескладный, с несколько ошарашенным выражением лица человека, чуть ли не случайно попавшего на эстраду. Затем манеры игры Гидона. Он вовлекает в исполнение все свое тело. Оно у него изгибается, буквально складывается пополам, вибрирует даже, то есть, чрезвычайно выразительным образом комментирует саму музыку. Кремера надо не только слышать, но и видеть. Особенно важно это теперь, когда Кремер много разъезжает со своим ансамблем «Кремерата Балтика», составленным из молодых музыкантов прибалтийских стран. Я называю эти его выступления «Театр Гидона Кремера», потому что здесь взаимодействие между Кремером и его юными коллегами достигает уровня настоящего музыкального театра. Когда слушаешь и видишь их, то возникает ощущение диалога, реплик, потому что музыканты обмениваются взглядами, улыбками, подбадривают друг друга, все это создает впечатление игры, драматического представления, да, конечно, таковым и является. К тому же, все это наполнено настоящей молодой энергией. Музыканты - красивые юноши и девушки, и все вместе это составляет чрезвычайно захватывающее зрелище».

- Не могу об этом сейчас сказать, не знаю, - вполголоса

сказал великий музыкант в ответ на просьбу прокомментировать слова Соломона Волкова. В каком-то смысле он похож на пришельца. Даже не иностранца-инопланетянина, спустившегося из космоса музыки. У него и голос-то особый, тон, тембр словно изначально настроен на некую музыкальную волну. Его голос - отдельный музыкальный инструмент. Слово звук - Первоначальный (а может, в Начале был звук?), - как Слово, к которому все сущее и творящее пытается возвратиться, нашел себя и в его голосе, и в его скрипке.

После концерта Гидон Маркусович выглядел не то что бы уставшим - несколько отстраненным. Он улыбался, раздавал автографы, фотографировался с желающими, но был словно где-то далеко отсюда. Да и в лицах людей, толпившихся рядом с ним, определенно был какой-то свет, идущий изнутри и очищенный от оттенков, избавленный от быта. Такое сегодня редко увидишь. Но еще реже выпадает счастье услышать Гидона Кремера вживую - он вообще практически всю жизнь проводит в самолетах, поездах, отелях. Одна из его квартир находится в Париже, но бывает он дома редко, от силы недели три. «Странствующий музыкант», как он сам себя называет, выступает на территории бывшего Союза не так часто (на Запад он уехал в 1980 году).

... В октябре такая удача - услышать и увидеть Гидона Кремера - выпала тбилисцам: всемирно известный скрипач прибыл в столицу Грузии и выступил в Тбилиском академическом театре оперы и балета со своим камерным оркестром и известной исполнительницей Катей Сканави. В прессе генеральный директор театра Давид Сакварелидзе заявил, что это беспрецедентный факт в истории

музыкальной жизни Грузии, так как исполнитель подобного уровня в Тбилиси пока не выступал.

Прессу до себя Гидон Кремер практически не допускал, говорить о чем-то серьезном, отвечать на любые сложные вопросы после концерта тоже не мог – он находился и постоянно находится в мире звука.

Воспитанник Давида Ойстраха, выступавший на всех престижных сценах мира с самыми знаменитыми оркестрами Европы и Америки, делавший записи с выдающимися дирижерами современности: Леонардом Бернштайном, Кристофом Зшенбахом, Николаусом Гармонкортом, Гербертом фон Караяном, Рикардо Мути; организатор многочисленных фестивалей в разных странах мира, «сочинитель культурных контекстов»; Орфей-кентавр со своими скрипками – сначала от Гварнери, потом от Амати, XVII века – Гидон Кремер постоянно сочетает классику и современность, любит экстраординарность и в жизни, и в музыке. Он не похож ни на кого. Если того или иного музыканта можно – пусть даже с большой натяжкой – сравнивать то с Паганини, то еще с кем-нибудь, Кремер неподражаем, оригинален и уникален во всем. Он первый пропагандист современной музыки, первый исполнитель Альфреда Шнитке, Гии Канчели, который, как и другие композиторы, посвятил ему не одно произведение, Арво Пярта, Софи Губайдулиной. Именно благодаря ему Альфред Шнитке приобрел на Западе такую славу (его называют самым аутентичным исполнителем шнитковских произведений). А в России скрипичные произведения современных американских композиторов Леонарда Бернштейна,

Филиппа Гласса и Джона Адамса стали известны тоже при его участии. За вклад в русско-американскую культуру он в прошлом году получил уникальную премию «Либерти». По словам одного из членов Независимого жюри Александра Гениса, «по замыслу Независимого жюри премия должна не только отметить достойных людей, но и помочь сформировать концепцию рождающейся культуры, выделить ее специфику, очертить возможности и наметить перспективы. Поскольку мы имеем дело с динамичным, быстро развивающимся явлением, наша работа напоминает стрельбу по движущейся мишени. Учитывая этот фактор, устав премии сознательно расплывчат. Вместо четкого определения, он просто указывает имена, так сказать, ее патронов - Стравинского и Баланчина, Набокова и Бродского».

Впрочем, если перечислять звания, награды и премии

музыканта – не хватит и десяти страниц. Он постоянно говорит о том, что его единственное гражданство – это музыка. В Тбилиси Гидон Кремер исполнял произведения Арво Пярта, Валентина Сильвестрова, Альфреда Шнитке, Софи Губайдулиной и Гии Канчели. Кремер слышит истинный мелос, который «вытаскивает» композитор из фольклора, как это делает, например, Губайдулина или Канчели, точно и четко взрывает душу драматической музыкой Шнитке, не давая ей уйти в мелодраму. Он, говоря словами Александра Бакши, выходит «за пределы канонического исполнения», ни в чем не нарушая вкуса, сиречь чувства меры, и вскрывает вены каждому звуку, а кровь звука – дух. Пожалуй, на такое способен лишь он, как бы прекрасно ни играли остальные музыканты. Мы, говорит скрипач, «ищем личности в музыке, которые выходят за рамки привычных стереотипов». Не случайно именно Гидон Кремер стал участником грандиозного спектакля-мистерии Александра Бакши и Камы Гинкаса «Полифония мира», где разыгрывается непередаваемое зрелище, повествующие о создании мира, об отношениях человека с Творцом. Размывание жанров в таком случае ведет к приращению смысла. Участие Кремера в любом представлении, спектакле, концерте, исполнение любого музыкального произведения – уже гарант самого высокого уровня, вкуса и индикатор истинного масштаба искусства.

- Музыкой живу просто, как она есть.

- Шуберт в одном из своих писем говорил: «Ты спрашиваешь, почему я не пишу веселой музыки. Я не знаю, существует ли вообще на свете веселая музыка». Что бы вы ответили ему, если он бы это написал вам?

- Вы знаете, если сочинение написано всерьез, то оно, конечно, невеселое. Но чувство юмора, я думаю, было присуще многим композиторам, в том числе и Шуберту, так что... Как вы видели, и у Гии Канчели тоже присутствует чувство юмора... Но шутка шутке рознь.

- Вы как-то сказали, что «музыка для меня не метафизическое явление, но процесс, которому мы все можем быть свидетелями...» Почему?

- Музыка – это язык, наши чувства, наша душа, поэтому...

- После музыки остальная реальность градусом ниже воспринимается?

- Не знаю, есть еще много замечательных вещей, есть поэзия, литература, но в музыке можно сказать то, что словом не скажешь.

- Вы любите поэзию, но когда успеваете читать?

- Я все время в дороге, дай бог, чтобы у меня в чемодане оказалась книга.

- Вы говорили, что существует достаточно композиторов в вашем поколении и в последующем, «чья музыка свидетельствует о том, что на мир еще можно смотреть иначе, чем раньше»...

- Они все разные, конечно. Как вы сегодня могли услышать, все разные и замечательные. И для меня было большое счастье с ними сотрудничать.

Он отвечает коротко, односложно и вежливо – да и сразу после концерта не поговоришь о серьезных и глубокомысленных вещах. И сам музыкант еще не перешел из одного мира в другой (а переходит ли вообще?), и уже хотя бы потому, что серьезнее и важнее музыки мало что существует. Особенно это понимаешь после концерта, на котором играет Гидон Кремер.

ИННА КУЛИШОВА

ПРАЗДНИК СВОБОДНОГО ПОЛЕТА

Несмотря на закрытие воздушного сообщения, пять российских экипажей приняли участие в первом открытом чемпионате Грузии по воздухоплаванию, который прошел 4 – 8 октября. На церемонии его открытия в городе-музее Мцхета спортсменов из России встречали с особой теплотой, свидетельствующей, что, несмотря на обострение двусторонних межгосударственных отношений, русский в Грузии - всегда больше, чем просто русский.

- Огромное вам спасибо, ребята, что вы сочли возможным приехать сюда, чтобы поддержать наше начинание, полетать с нами, быть рядом в такие важные и радостные для нас дни, - сказал на церемонии, обращаясь к российским друзьям, президент Национальной федерации воздухоплавания Грузии Реваз Утургули.

Добирались россияне окольными путями. После отмены авиарейсов на Тбилиси они сдали билеты и вылетели в Ереван, откуда их доставили в Грузию чартерным рейсом. Таким же образом вынуждены были поступить и японские спортсмены, летевшие через Москву. В чемпионате также приняли участие экипажи из Великобритании, Чехии и Украины.

Забегая вперед, сообщим, что японская команда во главе с Тетсухиро Су завоевала на чемпионате третье место и приз «Золотое руно», а российский экипаж капитана

Дмитрия Горбачева – второе место и приз объединения грузинских виноделов – 100-литровую бочку гарантированно натурального вина.

Первый свободный полет на воздушном шаре в Грузии совершил француз по фамилии Бедье через 100 лет после того, как человек вообще впервые поднялся в воздух на шаре. Тифлисские газеты сообщали, что 10 ноября 1882 года пилот стартовал из сада Муштаид, пролетел значительное расстояние на высоте 300 метров и благополучно приземлился. Ставший после этого необыкновенно популярным месье Бедье еще дважды летал на шаре, иногда весьма экстравагантным способом. Однажды он поднялся в воздух с ослом. Это животное вообще сыграло некоторую роль в истории грузинского воздухоплавания. Лет этак через 15 после первого полета Бедье тбилиссские предприниматели Поладов, Гумиашвили и Бакрадзе попробовали организовать коммерческий пуск воздушного шара во время гуляния в Александровском саду. Смельчаков среди публики не нашлось, и устроители аттракциона запустили в воздух осла. Когда шар приземлился в Авлабаре, животного в гондоле не оказалось. За время, пока люди шли к шару, севшему у Метехской крепости, его успели украсть. Коммерсанты были вынуждены выплатить его хозяину огромные по тем временам деньги – 20 рублей.

Столь досадное происшествие притормозило развитие коммерческого воздухоплавания в Грузии более, чем на сто лет – вплоть до 2000 года, когда во время праздника «Тбилисоба» в небо взлетел первый в стране современный воздушный шар, приобретенный предпринимателем Георгием Чантурия у телекомпании ОРТ. Однако, оно не убило в наших соотечественниках стремления к свободному полету. Легендарный пилот Владимир Гараканидзе еще в 20-е годы минувшего столетия установил несколько мировых рекордов по спортивному воздухоплаванию, в частности, опустился на воздушном шаре на вершину Эльбруса. При-

мечательно, что среди учеников Гараканидзе был выдающийся ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики Сергей Королев.

Национальная федерация воздухоплавания Грузии (НФВ) учреждена полтора года назад, после чего развитие в стране этого вида спорта приняло системный характер. Создан Клуб воздухоплателей, получивший статус авиакомпании. Аэронавигация страны выделила ему зоны полетов. Грузинские воздухоплатели разработали программу подготовки пилотов и техников по обслуживанию летательных аппаратов, издали учебник, а затем совместно с Тбилисским авиационным университетом учредили школу, где сейчас обучаются курсанты-воздухоплатели. Весной нынешнего года грузинские спортсмены впервые приняли участие в работе ежегодной международной конференции Баллонской комиссии, на которой решаются стратегические вопросы развития воздухоплавания в мире. В нынешнем году она проходила в столице российского воздухоплавания – городе Дмитрове. В ней участвовали делегации из 25 государств. Решением конференции открытому чемпионату Грузии по воздухоплаванию, который отныне будет проводиться ежегодно, придан статус спортивного мероприятия Всемирной федерации воздухоплателей.

Организаторами первого открытого чемпионата Грузии выступили НФВ, аппарат губернатора региона Мцхета-Мтианети, администрация гражданской авиации страны, департаменты туризма, а также спорта и по делам молодежи. Состязания проходили в Карталинской и живописнейшей Алазанской долинах.

- Уровень соревнований был высоким, - говорит спортивный директор и председатель жюри чемпионата, трехкратный чемпион Российской Федерации Сергей Виноградов. - Это и неудивительно: среди участников чемпионата – опытные, всемирно известные спортсмены, победители престижных международных турниров, рекордсмены Европы и мира. Например, легендарный спортсмен из Великобритании Фил Даннингтон – автор 86 мировых рекордов. Мы ставили перед экипажами достаточно сложные задачи на управляемость, ориентировку. В рамках одного из конкурсов спортсмены должны были пролететь по предлагаемому маршруту, оставляя на своем пути маркеры, по которым можно было судить, насколько точно они прошли заданный путь. В результате жюри единогласно признало победителем первого открытого чемпионата Грузии команду Украины (капитан Денис Володин), завоевавшую Кубок имени Владимира Гараканидзе, а также приз, учрежденный губернатором региона Мцхета-Мтианети.

По словам президента Федерации воздухоплавания Украины Александра Николаева, прошедший чемпионат носил скорее фестивальный, чем состязательный характер. «Это был праздник свободного полета, одно участие в котором доставило всем нам огромное удовольствие», - сказал украинский спортсмен.

Результаты грузинских участников оказались скромнее. Два экипажа под руководством Реваза Утургаули и Вацлава Шагиняна заняли шестое и седьмое места. Но ведь для спортсменов из Грузии это – первые состязания такого уровня. На конференции в Дмитрове они получили приглашение участвовать в международных состязаниях в США, Бразилии, Италии, Польше, Венгрии, Франции и России, а также в чемпионатах Европы в 2007 году и мира в 2008 году.

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

«ГРУЗИНУ
ЛЮБЛЮ
ДАВНО,
ГЛУБОКО И
НЕЖНО»

ВИТАЛИЙ ВУЛЬФ
театровед

Вы, наверное, удивитесь, если я скажу, что в 1993 году в Нью-Йорке (куда я ездил читать курс лекций) Грузия и события, в то время в ней происходящие, были постоянной темой разговоров. Дело в том, что я почти ежедневно общался с Гоги Алекси-Месхишвили (которого считаю самым крупным театральным художником, очень люблю все его работы), и все время говорили о Тбилиси. О городе, с которым всегда были связаны праздник, тепло, добро. Где очень мало интересовались вопросом кто русский, кто грузин, кто абхаз. Мы с Гоги пытались понять, как могло произойти то, что произошло: на наших глазах разрушился наш привычный мир. Кстати, тогда же вместе с Гоги и его женой Макой мы слушали в грузинской церкви выступление замечательного грузинского хора из Кутаиси, были на концерте из произведений Гии Канчели (на котором присутствовал и сам Гия).

Самые яркие воспоминания о Грузии? Первое посещение Тбилиси, куда мой отец адвокат Яков Сергеевич повез меня, школьника (жили мы тогда в Баку). Помню, как отец повел меня в оперный театр на балет «Отелло» с легендарным Вахтангом Чабукиани, поэтичной Верой Цигнадзе и незабываемым Яго Зураба

Кикалеишвили. И сейчас вспоминаю очаровательную балерину Лили Гварамдзе.

Незабываемое воспоминание – замечательная телеграмма от Верико Анджапаридзе – ее реакция на мою большую статью о ней в газете «Советская культура», тогда еще совсем молодого автора. Через несколько лет, открывая творческий вечер Ангелины Степановой в Театральном обществе Грузии, я сказал: «Мы счастливы, что находимся в Тбилиси, в городе, где живет великая актриса Верико Анджапаридзе». Оказалось, что она-то в зале, а я этого не знал. Позднее, встретив ее на банкете после творческого вечера Медеи Джапаридзе, я поразился ее простоте, демократичности. Потрясающей силы была актриса! Никогда не смогу забыть ее Бабушку в спектакле «Деревья умирают стоя».

Наверное, не буду оригинален, если скажу, что в свое время был в восторге от спектакля Роберта Стуруа «Кавказский меловой круг», но это так. Люблю фильмы Отара Иоселиани, они меня всегда очень волнуют. В Париже смотрел его «Охоту на бабочек». По-моему, это замечательный фильм. Не могу не вспомнить добрейшего, теплого человека, прекрасного режиссера Додо (Дмитрия Александровича) Алексидзе, много

лет до своей скоростной смерти возглавлявшего Театральное общество Грузии.

И пусть мой мозг не способен до конца осознать то, что в настоящее время происходит в Грузии, у меня в душе – навсегда старый Тбилиси с его неповторимыми проспектами Руставели и Плеханова.

Я счастлив, что моя телепередача «Серебряный шар» нужна людям (в том числе и людям Грузии, как вы мне сказали), значит еще не все ценности погибли!

МИХАИЛ КОЗАКОВ

актер, режиссер, писатель

С Грузией у меня давние и глубокие связи. Свыше сорока лет назад вместе с театром «Современник» (гастроли которого прошли в Тбилиси с оглушительным успехом) я впервые побывал в вашем городе и влюбился в него с первого взгляда и навечно. Любовь эта искренняя и серьезная. Вот уже пятый десяток я очень органично связан с Грузией. Меня тянет сюда и каждый приезд, каждая новая встреча с этой страной для меня большая радость. Я не просто люблю, а все больше и больше постигаю грузинскую литературу, музыку, искусство, знакомлюсь с памятниками грузинской архитектуры.

Обычно перед своими творческими вечерами в Тбилиси я много ездил по стране. За эти годы я побывал в Сванетии, Зугдиди, на Ингури ГЭС, в Кутаиси. Помню потрясение, которое испытал, когда, наконец, воочию увидел архитектурный шедевр – храм Баграта. Думаю, что после этого стихотворе-

ние Арсения Тарковского «Ласточки», которое я так люблю читать, стало звучать у меня глубже и эмоциональнее.

Я много и охотно читаю грузинских поэтов и знаколюсь с лучшими образцами вашей поэзии русскоязычного зрителя и слушателя.

Хорошо известно, как русские поэты любили Грузию, сколько писали о ней. В какой-то степени я продолжаю их традиции, хотя сам и не пишу стихов. Думаю, что с полным правом могу применить к себе высказывание замечательного мастера слова Владимира Николаевича Яхонтова: «Я поэт с чужими стихами».

И еще один весьма немаловажный факт, который еще прочнее связывает меня с Грузией – это дочь актриса Манана, наполовину грузинка, и ее семья – муж режиссер, художественный руководитель театра им. Марджанишвили Леван Цуладзе и моя очаровательная внучка Тинатин.

ТОНИНО ГУЭРРА

киносценарист

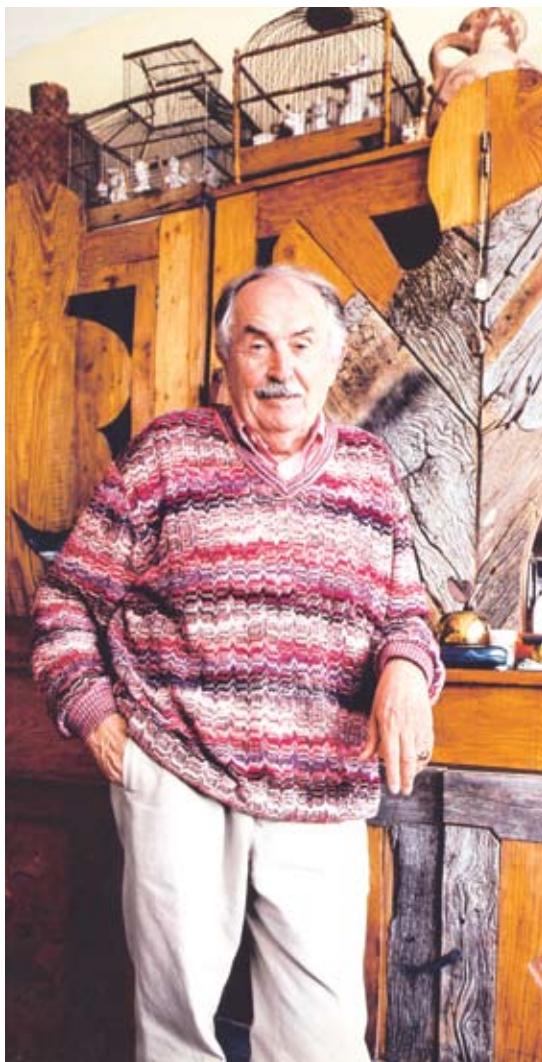
Каждый раз, когда я слышу слово «Грузия», у меня сразу возникает видение рая. Так остались у меня в памяти образы людей, которые любили друг друга и их окружала природа необыкновенной красоты. Я никак не могу понять, не могу дать себе отчета как народ, такой

широкий в отношении других, не широк и не доброжелателен к себе самому. И разрушает жизнь молодых людей. И стирает историческую память. Грандиозную и исключительную, созданную, выстроенную веками великими умами и сердцами, которые всегда были ядром этого народа.

Необходимо выкинуть вон оружие (которое никогда ничего не создало) и довериться Добру, Любви, Милосердию. Лишь они помогут Грузии вновь стать тем раем, которым она была.

Говоря о Грузии, о Тбилиси не могу не вспомнить Сергея Параджанова, безмерно любившего этот город. Именно в нем рождались те гениальные сны режиссера, которые потом дарились всему человечеству и расходились сказками по миру.

Беседовала ДОНАРА КАНДЕЛАКИ

ЦВЕТЫ ДЛЯ ЮБИЛЯРОВ

Тбилисскому государственному армянскому драматическому театру имени Петроса Адамяна исполнилось 150 лет. К этому знаменательному событию как в Грузии, так и в Армении. Театр расположен в старом районе Тбилиси Авлабаре и стал мостом дружбы двух братских народов, история и культура которых тесно переплелись на протяжении веков.

Юбиляр носит имя Петроса Адамяна, который принес мировую славу армянскому театру. Он родился в 1849 году в Константинополе. Здесь в 1866 году в армянской труппе началась его карьера. В 1883 году он отправился выступать в Москву, где имел большой успех. Через год его пригласили в Петербург, другие российские города, где он играл как на армянском, так и на французском языках. В России зрители всегда восторгались выступлениями Адамяна. Его лучшими ролями считались шекспировские Отелло, Лир, Гамлет. В 1887 году вышла книга артиста «Шекспир и критика его трагедии «Гамлет». Адамян стал основателем шекспировских традиций в армянском театре.

С 1824 года, в Тбилиси в Нерсесяновской школе ставились спектакли на армянском языке. В 1856 году Георг Чмшкян собрал актерскую труппу, которая стала фундаментом первого профессионального армянского театра. Одним из основоположников армянского театра в Тбилиси был Габриэл Сундукян.

В мае 1921 года труппа получила статус государственного театра. В 1936 году для театра было построено здание в Авлабаре. Здесь работали режиссеры Л.Калантар, А. Абарян и Ф. Бжикян, чьи постановки получили большое признание зрителей. Были поставлены пьесы «Пэпо», «Еще одна жертва» Г. Сундукяна, «Намус», «Из-за чести», «Злой дух» А. Ширванзаде, «Враги» М. Горького, «Уриель Акоста» К. Гуцко, «Без вины виноватые» А. Островского...

Театр не прекращал своей деятельности и в годы Великой Отечественной войны, когда было поставлено более 60 пьес патриотического содержания: «Геворг Марзпетуни» Г. Мурацана, «Парень из нашего города» К. Симонова,

«Давид-Бек» А. Каджворяна и др. С этим театром связаны имена многих выдающихся деятелей искусства Армении и Грузии. На его сцене играли Акакий Хорава, Акакий Васадзе, Васо Годзиашвили...

На юбилейный вечер приехала большая делегация во главе с министром культуры Армении Асмик Погосян. Поздравить коллег пришли представители практически всех театров Армении и Грузии. В числе встречающих гостей был посол Республики Армения в Грузии Грач Силванян. За восемь месяцев работы в Грузии посол ознакомился со всем репертуаром театра.

- В этом нет ничего удивительного, - говорит в беседе с нами Грач Силванян, - ведь за пределами Армении это единственный государственный армянский театр. Пользуясь случаем, хочу поздравить весь коллектив с большим праздником. Для духовной жизни нашего народа театр всегда представлял огромную ценность. Понимающий роль и значение театра, армянский народ широко отме-

чает эту дату. На протяжении всего своего существования театр был своеобразным символом армянства Грузии. Руководство Армении внимательно следит за деятельностью

П. Адамян в роли Гамлета. Фото Гр. Гевондяна. 1880-е гг.

театра, помогает и содействует его развитию. Уверен, что и в будущем он будет радовать новыми высококлассными постановками.

Супруга посла Лидия Григорьевна отметила, что ей очень понравился спектакль «Любовь под вязами». На вечере присутствовали министр культуры, охраны памятников и спорта Грузии Георгий Габашвили, госминистр по вопросам гражданской интеграции Зинаида Бестаева, вице-спикер парламента Михаил Мачавариани, Георгий Жвания – брат покойного премьер-министра.

Поздравительные письма прислали президент Грузии Михаил Саакашвили, президент Армении Роберт Кочарян, премьер-министр Андраник Маргарян, председатель СТД России Александр Калягин...

Указом президента Армении медалью Мовсеса Хоренаци награждены актриса театра Меланья Барсегиан, актер Феликс Хачатрян, режиссер и актер Роман Матиашвили. В Армении это высшая награда, присуждаемая деятелям

искусства. Председатель СТД Армении Ерванд Казанчян преподнес в дар театру красивый ковер. Он сообщил, что за выдающийся вклад в развитие театрального искусства, укрепление связей между грузинскими и армянскими театрами народному артисту СССР, профессору и большому другу армянского народа Гиге Лорткипанидзе присуждена премия «Артавазд» СТД Армении. Из-за болезни режиссер не смог присутствовать на вечере и награду передали Гоги Кавтарадзе. Он поздравил коллектив от имени Гиги Лорткипанидзе и народной артистки Грузии и Армении Софики Чиаурели, вспомнил о том, как он узнал о рождении сына.

«Театр Марджанишвили ставил на этой сцене спектакль. В то время я работал помощником режиссера. Мне сообщили, что у меня сын. Мальчика я назвал Бидзиной, но, по сговору, я должен был назвать Арменом или Тиграном», - пошутил Кавтарадзе.

Бурными аплодисментами зал встретил знаменитого режиссера Роберта Стуруа. После обычных в таких случаях поздравлений он вспомнил: «В театре Руставели работает дирижер Левон Оганезов. Так вот он сетует на то, что я Роберт Робертович, а он - Левон Ираклиевич». Стуруа назвал деятелей искусства, которые внесли свой вклад в армянскую театральную культуру. «Дружба - это не абстрактное понятие, она всегда проявляется в конкретных вещах. Очень много людей занято в театре, некоторых широкая общественность не знает, но они творят большие дела», - сказал режиссер. Накануне юбилея театр Руставели играл спектакль «Стикс», который Роберт Стуруа посвятил армянскому театру-юбилею. «Это большое событие. Мэтр Стуруа еще раз убедил, что дружба между нашими двумя театрами будет навеки», - сказал нам директор и художественный руководитель армянского театра Армен Баяндурян. Он руководит театром десять лет, автор десяти пьес, которые были поставлены на сценах Армении, Грузии, Австрии. Кавалер медали Мовсеса Хоренаци и грузинского ордена Чести.

- Нашему театру 150, а Ереванскому государственному драматическому театру имени Г. Сундукяна - 80 лет, - рассказывает Армен Баяндурян. - Многие видные армянские театральные деятели начинали свой путь с театра на Авлабаре. Здесь вместе играли армянские и грузинские актеры. Театр часто обращался и к русской классике. Бывший главный режиссер и художественный руководитель Роман Чалтикийан пять лет играл в русском театре им. А.С. Грибоедова. Позднее он уехал в Москву, где окончил театральный институт, постоянно ставил пьесы русских драматургов. Кстати, Грибоедовский театр играл пьесы Габриэла Сундукяна. Наши связи с русским театром всегда были теплыми. Сегодня эту традицию продолжают молодые. Я дорожу дружбой с Авто Варсимашвили. Он обещал поставить у нас спектакль. Театр получил много поздравительных телеграмм, в частности, от Кирилла Лаврова, Армена Джигарханяна, Николая Губенко...

На юбилейном вечере артисты театра имени А.С. Грибоедова вместе с Авто Варсимашвили подарили «младшим» коллегам вино. «Младшие потому, что мы старше вас на 11 лет», - пояснил Варсимашвили. «Старшие» из Грибоедовского театра своим выступлением привели в восторг зрителей.

Среди почетных гостей был и классик грузинского кинематографа Резо Чхеидзе. Своими впечатлениями поделился и министр культуры Грузии Георгий Габашвили: «Армянский театр - часть грузинской культуры, в его стенах создавалось замечательное искусство, укреплялась дружба между грузинским и армянским народами. Тбилиси всегда был открытым, толерантным городом, в котором развивалась единая тбилисская культура».

МИРАНДА ОГАНЕЗОВА

Миша Джоджуа

СОЮЗ РАСПАЛСЯ, ДРУЖБА ОСТАЕТСЯ

«Рас-стояние: версты, мили.../Нас рас – ставили, рас-садили./Чтобы тихо себя вели/

По двум разным концам земли», - писала Марина Цветаева Борису Пастернаку.

Не так ли сегодня обстоит дело в наших, почти семейных, отношениях – России и Грузии, двух единовременных народов? Но что еще важнее – нас ведь объединяло единое культурное пространство. А это соединяет крепче иных родственных связей. Кто из тбилисцев не помнит те счастливые времена, когда к нам постоянно приезжали на гастроли замечательные театры из России и не только ее? Можно сказать, мы находились в общем поле культурной информации. Занимался всеми гастрольными делами знаменитый, но сегодня, к сожалению, слегка подзабытый театр «Дружба» и его создатель и бессменный руководитель Миша Джоджуа. Вместе с председателем Театрального общества Грузии Додо

Алексидзе в 1974 году впервые на территории бывшего Советского Союза в Тбилиси был организован театр, объединявший разные культуры, стили, языки и даривший людям незабываемый праздник. Сам Миша Джоджуа – личность интересная: бывший футболист, эстрадный актер, создатель и исполнитель грузинских песен, он до сих пор полон сил и энергии.

- Мое единственное образование, имеющее хоть какое-то отношение к искусству – это музыкальный техникум, который я закончил в Москве. Я же сначала двадцать лет играл в футбол, а после него пятьдесят лет работаю в искусстве и живу театральной жизнью. Как все произошло? Долгое время я играл за московские «Крылья Советов». А тогда, в конце 40-х, наше тбилиское «Динамо» было на девятом месте. И Лаврентий Павлович Берия вызвал начальника команды Шавгулидзе и тренера Соколова. Спросил, в чем дело. Ему сказали, что у них нет хорошего правого крайнего нападающего. – «Как нет, ни одного грузина не нашли?» - удивился Берия. – «Есть один грузин, - ему отвечают, - Михаил Джоджуа, но он играет

за московские «Крылья Советов». – «Хорошо. А где у вас следующий матч, с кем играть будете?» – «В Ригу уезжаем». – «Он будет у вас». Я как раз в то время прилетел в Ташкент, и сразу в Ташкенте меня арестовали и оттуда прямо по приказу Берия отправили в Ригу играть за команду. Так я стал правым крайним нападающим. Долгое время играл с Борисом Пайчадзе, легендарным футболистом, чье имя динамовский стадион носит. За это время моими болельщиками стали все известные деятели культуры и искусства Грузии. Они меня, кстати, уговаривали перейти впоследствии от спорта к искусству, потому что я сам хорошо играл на рояле, умел выбивать чечетку, есть много своих собственных песен, мог с юмором рассказывать, изображать кого-то. Мы всегда после футбола вместе собирались и кутили, и они настаивали, чтобы я перешел потом к театральному искусству. И когда я закончил играть в футбол, в 1954 году, то в следующем создал Театр миниатюр, и все мои друзья помогли мне в его организации. Первая постановка в нем была Арчила Чхартушвили, выдающегося режиссера, народного артиста СССР. Арчил Кереселидзе, Резо Лагидзе, Гоги Цабадзе – все

М. Джоджуа и Г. Женов

мне помогали, всех их я забрал в свой театр. Между прочим, все композиторы сначала заставляли меня петь собственные песни, а затем уже на ноты их переносили. Так, под моим руководством и с помощью моих дорогих друзей, существовал Театр миниатюр – они писали сценарии, музыку, ставили спектакли, и всегда были аншлаги. Потихоньку, примерно в 60-м году, я перешел на административную работу. И уже тогда была у меня идея создать театр «Дружба». Окончательно произошло это в 1974 году. Я собрал все необходимые документы,

передал в Совет Министров, поговорил с Додо Алексидзе, который у нас был председателем Театрального общества Грузии, далее поехал к Михаилу Ульянову в Москву, с которым мы очень близко дружили, он тогда был председателем Театрального общества России, и так было решено создать театр «Дружба» при Театральном обществе Грузии. Вместе с Додо Алексидзе мы это сделали. Но идея изначально была моя.

И открылся он творческим вечером Георгия Товстоногова. Театр «Дружба» был призван осуществлять связь между театрами всех республик Советского Союза, организовывать гастроли, мы привозили сюда и артистов из стран Восточной Европы. Мы, можно сказать, поддерживали систематическое межкультурное общение. Тбилиси, Грузия была первой страной, где такой театр был создан. Впоследствии я организовал подобные театры в Ереване, Баку, Киеве и Москве. Что еще входило

С Алисой Фрейндлих

в мою задачу: когда у нас проходили спектакли, я бесплатно пропускал студентов из Театрального института, чтобы они могли учиться на таких серьезных примерах. Ребята сидели на галерке или в партере, затаив дыхание. Дальше я раздавал 200-300 билетов по нашим театрам, а потом уже зрителям. Причем билеты продавались по самой дешевой цене: два-три рубля, насколько я помню. И если на московские спектакли в Москве сами москвичи практически не могли попасть, то когда я привозил их сюда со всеми известными спектаклями, стояли километровые очереди за билетами. Аналогичная ситуация была и в Москве, когда я привозил туда наши грузинские театры.

- Какие театры и с какими спектаклями?

- Театры Руставели, Марджанишвили, Туманишвили, Грибоедовский. Вывозил спектакли Роберта Стура «Кавказский меловой круг», «Ричард III» и другие, спектакли театра Марджанишвили «Царь Эдип» с Отаром Мегвинетухуцеси, «Отелло». «Отелло» еще я повез в Германию, где в одном из городов справляли юбилей Шекспира, и все «Отелло» собрались в этом городе. И арабские, и европейские, и американские – самые разные.

Алиса Фрейндлих в Кахетии

Я первый привез в Грузию гениальный спектакль БДТ «История лошади» с Лебедевым в главной роли, он же отсюда, из нашего ТЮЗа. Еще до того, как Алиса Фрейндлих перешла в БДТ, я привозил Ленинградский театр Ленсовета – спектакли «Укрощение строптивой», «Интервью в Буэнос-Айресе». Театр Натальи Сац привозил – восемь спектаклей давали! Вахтанговцев привозил со спектаклями «Принцесса Турандот» (легендарная вещь), «День-деньской», Театры имени Ермоловой, Гоголя, Маяковского. В 1979-м пригласил я Театр на Таганке со всеми его знаменитыми спектаклями: «Гамлет» с Высоцким в главной роли, «Мастер и Маргарита», «Преступление и наказание», «Тартюф», «Деревянные кони», «Послушайте», «А зори здесь тихие», «В поисках жанра». Прибалтийские театры все, в том числе

Практически все актеры, кто в мире сыграл Отелло. И нас тоже пригласили. В Театре Туманишвили некоторое время я работал директором, и возил их по разным странам, по всей Южной Америке со спектаклями «Наш маленький город», «Дон Жуан».

Меня тогда сам Миша Туманишвили позвал в директоры. Тогда это был очень молодой коллектив, который только-только создавался после театрального института. В тот период замминистра кинематографии был Акакий Двалишвили, и вместе организовали Театр Туманишвили, который после я переименовал в Театр киноактера. Затем Шеварднадзе, тогда секретарь ЦК, меня перевел директором центра на фуникулере, потому что он хотел там создать и как-то оживить театральную жизнь. И я работал на Мтацминда, там была большая летняя сцена, а также ресторан, как вы знаете. Мне доверяли сами актеры, и я их приглашал. Один звонок – и они сразу приезжают. «Кабачок 13 стульев» я пригласил прямо на фуникулер. До этого они приезжали еще по линии театра «Дружба». Актеры работали там восемь часов, полтора часа отработывали, и после выступления я их приглашал в ресторан, и опять аншлаги, и на сцене, и в ресторане, заранее все билеты были проданы. Какие имена! Ширвиндт, Державин, Мишулин, Миронов, Васильева, Менглет – не могу всех перечислить.

- Вернемся к театру «Дружба». Какие театры вы приглашали, что за спектакли?

- Огромное количество театров, самые выдающиеся спектакли, всех и не вспомнишь сейчас. По несколько раз приезжали Театр Моссовета, «Современник» (помню Галину Борисовну Волчек – боевая женщина, и актриса замечательная, там Марина Неелова – лучшая, одна из лучших российских актрис – работает, мы ее творческий вечер здесь устраивали); и московский театр Сатиры к нам приезжал далеко не один раз, это были и «Маленькие комедии Большого дома», и «Нам-50»; МХАТ, разумеется, приезжал, Театр на Малой Бронной.

Киевский театр им. И. Франко в Тбилиси

знаменитый Паневежский театр, «Пляска смерти», театры из Армении, Азербайджана, Украины, из Ташкента танцовщицу знаменитую приглашали, из Югославии (одновременно еще и Людмилу Караклаич привез), Чехословакии, Польши, Греции. Отдельно мы устраивали творческие вечера актеров. Сергей Юрский, Олег Табаков, Ангелина Степанова, Юрий Яковлев, Олег Ефремов, Евгений Евстигнеев, Алиса Фрейндлих, Игорь Владимиров, Михаил Боярский, Лев Дуров, Александр Калягин, Иннокентий Смоктуновский, Татьяна Самойлова, Михаил Ульянов, Вера Марецкая (из старшего поколения она, прекрасная актриса), Сергей Образцов, Георгий Жженов, Владимир Этуш, Александр Ширвиндт и Михаил Державин, Вера Васильева, Андрей Миронов, Владимир Высоцкий – он давал свои творческие вечера во Дворце спорта. Приезжала к нам и знаменитая тройца – Моргунов, Вичин, Никулин, тоже не один раз. Всех все равно невозможно перечислить. Обычно на сцене больших театров давали спектакли, а у нас в помеще-

нии Театрального общества Грузии шли творческие вечера актеров. Иногда театры приезжали на гастроли на 10-15 дней. В штате у нас было немного человек, не более пяти, и наши доходы росли, потому что постоянно были аншлаги. Пустого места в зале не нашли бы! На эти средства мы смогли отремонтировать и перестроить сцену здесь, в нашем здании. Раньше она была небольшой, а после реставрации в зале уже было 400 мест. Как

Вахтанговцы - гости Лядо Гудишвили

все происходило: утром я вылетал самолетом в Москву в 6 часов утра, заключал договор, и в тот же вечер последним самолетом в 10 вечера вылетал в Тбилиси, успев за день оформить документы, и уже после этого у нас в Тбилиси вывешивались афиши о приезде того или иного театра, актера. Ежемесячно кого-то привозил фактически.

- Вас судьба сводила с самыми интересными личностями эпохи, даже, можно сказать, разных эпох. Так, еще задолго до создания театра «Дружба» вы познакомились с Любовью Орловой...

- Это было в 1957 году. Театр миниатюры, который я создал, уже существовал, при филармонии. И на творческий вечер была приглашена Любовь Петровна Орлова. Тогда директором филармонии был Аполлон Константинович Кипиани, а поскольку он знал, что я прославленный футболист, известный эстрадный артист, то он, так сказать, прикрепил меня к Любови Петровне. И у меня была собственная машина, а тогда с автомобилями было не так, как сейчас - трудновато. Любовь Петровна около восьми дней находилась в Тбилиси, она жила в гостинице «Тбилиси», ее приглашали к себе и Верико Анджапаридзе, Медея Джапаридзе. Постоянно были какие-то встречи, творческие вечера - ее приглашали везде. А я должен был быть рядом, помогать ей во всем, ведь Любовь Петровна была звездой нашей.

- Какая она была?

- О-о, не говорите. Я наизусть помнил все ее фильмы: «Цирк», «Веселые ребята» и так далее. Такой актрисы в России я не встречал. Ни в театре, ни в кино. Это был первый номер, первая актриса России. Я так считаю, вплоть до сегодняшнего дня. Она актриса любого плана. Могла и трагическую, и комическую роли, и драму сыграть. Скромная в общении. И очень веселая.

- Кто еще вам запомнился из тех, кого вы привозили сюда на гастроли?

- Вера Марецкая, Алиса Фрейндлих, талантливейшая женщина, тоже очень разноплановая актриса, Татьяна Самойлова, та самая - из фильма «Летят журавли». Ее отца я хорошо знал. Симпатичный, хороший актер был. Всех не вспомню. Смоктуновский, Калягин, Лановой - он еще и болельщиком футбольным был, Яковлев, тоже очень близкий друг. С Михаилом Ульяновым мы очень дружили. Я приезжал к нему на юбилей, его 50-летие. Высоцкий - исключительно одареннейший человек. Кроме этого, его Гамлета забыть не могу. «Миша, - говорил мне он, - моя любимая придет в Москву, я тогда тебя приглашу».

- Марина Влади?

- Да. И я встречался с ней, он пригласил меня. Андрей Миронов - талантливейший актер. По всему фронту, условно говоря. Он и танцевал, и играл, и пел. Очень одаренный человек. Дружелюбный, даже чересчур! С его женой Голубкиной недавно мой сын в кино играл.

- Ваш сын актер?

- Да, он играет в театре Туманишвили, лауреат премии имени Котэ Марджанишвили. Кроме того, снимается в кино. Евгений Гинзбург два года назад снял 12-серийный фильм «Мамука» с ним в главной роли. Там многие выдающиеся актеры играют: Джигарханян, Куравлев... Его в прессе называли грузинским Луи де Фюнесом.

- Что сегодня стало с театрами «Дружба» в других странах, бывших республиках СССР?

- Раньше эти театры также занимались гастролями. Я их сюда приглашал, а после этого они меня приглашали с любым театром. Были такие договоры. Сейчас в Москве театр «Дружба» переименован в «Театр наций», но директор там остался прежний - Чигирь! Что с театрами на Украине, в Армении, Азербайджане, сказать не могу - связи потеряны. Когда распался Советский Союз, общаться стало почти невозможно.

- Чем занимался ваш театр «Дружба» после распада Союза?

- После того, как я проработал в театре Туманишвили, на Мтацминда, а также директором Театра музыкальной комедии имени Васо Абашидзе, я снова возвратился в театр «Дружба». Но поскольку приглашать на гастроли театры со спектаклями из других стран уже было невозможно - начались материальные проблемы, я стал возить наших грузинских актеров по всей Грузии: Гегечкори, Саканделидзе, Сагарадзе, Берикашвили, многих. И наших выдающихся актеров Верико Анджапаридзе, Сесилию Такашвили, Жоржолиани. Месяцами возил их по Западной Грузии.

- Сегодня есть какая-то надежда у вас на восстановление театра, вообще такой системы отношений?

- Я стараюсь что-то наладить. Посмотрим. Театр «Дружба» нужно восстановить в точности, как было раньше. Особенно сейчас это необходимо. Сегодня нам нужна дружба между всеми республиками, без исключения. Советский Союз распался, но театр «Дружба» должен существовать. Уже хотя бы для того, чтобы поддерживать культурные связи между бывшими союзными республиками. Политика уйдет, дружба останется. И никакая политика не разрушит нашу дружбу между Россией и Грузией.

АННА ШЕМЕШ

УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Ежегодно сотни, тысячи педагогов русского языка и литературы ближнего зарубежья посылают свои работы на международный конкурс им. А.С. Пушкина, учрежденный правительством Москвы, «Российской газетой», газетой «Труд» при поддержке МИДа и министерства образования России. Каждый год в числе 50 победителей называются имена и нескольких учителей из Грузии. Это наша гордость. Лучшие из лучших. В эти дни мы поздравляем наших новых лауреатов. На церемонию награждения в Москву были приглашены учительница русского языка школы N155 г. Рустави Лали Тарашвили и Нонна Одишвили – учительница руставской школы N23. Обе они молодые, одаренные, бесконечно влюбленные в свой предмет. Обе – члены объединения педагогов русского языка при социально-культурно-образовательном Центре им. Жиули Шартава. Для всех членов центра победа новых лауреатов – событие особой значимости, потому что за шесть лет уже девять учителей русского языка удостоены этого высокого звания.

Получение премии – всегда большая радость. Тем более, если это премия за победу в международном конкурсе им. А.С. Пушкина, в наши дни одна из самых престижных премий для педагогов-русистов стран СНГ и Балтии. Стоит ли говорить, какой это праздник и какой стимул для нашего школьного учителя русского языка, в общем-то не обласканного сегодня ни наградами, ни почестями, ни какими-либо поощрениями.

Они вернулись из Москвы окрыленные, сияющие, взволнованные и ослепленные всем увиденным, пережитым, пережитым – той скромной радостью встреч и событий, которыми были наполнены эти четыре дня в столице России.

«Нет! Даже не радость, а как сказка. Какое-то непрерывающееся ни на минуту ощущение счастья. Мне казалось, что я Золушка, попавшая на бал, – рассказывает Нонна. – Казалось это все для меня: и колокольный звон, и праздничные фейерверки, и музыка на улицах, и улыбки людей». Каждый год учителей, лауреатов Пушкинской премии Москва традиционно награждает во время празднования Дня города. И, конечно, это незабываемое зрелище. «А что было главным, – спрашиваю. – Что особенно запомнилось?»

И обе в один голос: «Как нас принимали, отношение к нам!»

– Когда мы шли в почетной колонне, рядом с мэром Москвы, членами правительства и самыми знатными людьми столицы по Красной площади к Вечному огню,

– вспоминает Лали, – я поймала себя на мысли почти нереальности происходящего. Рядом со мной идут всемирно известные ученые, артисты, спортсмены, писатели... И мы, простые учителя русского языка!

– Такое чувство гордости, – подхватывает Нонна, – до сих пор комок в горле, когда вспоминаю. Я не думала, что учитель обыкновенной школы из далекого, небольшого города чужой страны может быть возведен в один ранг с такими заслуженными, знаменитыми людьми.

– Нет, не чужой, – перебивает Лали, – а другой страны!

Л.Тарашвили, Н.Одишвили в редакции «Российской газеты»

Наверное, это и есть то главное, что мы учителя, приглашенные из разных стран, почувствовали в Москве. Что мы не чужие!

И они рассказывают о том, как стоя на праздничных трибунах, пели вместе с москвичами «Гимн Москвы»: «Дорогая моя столица, / Золотая моя Москва!»

А потом, когда в конце большого праздничного представления на Тверской забили ликующие колокола, под их перезвон москвичи и гости столицы, а с ними и учителя русского языка из Казахстана, Украины, Молдовы, Латвии, Грузии... многотысячным хором пели: «...Нас Вера укрепит, как прежде, / Любовь и мир пребудут с нами!.. / ...Улыбкой на улыбку гостям ответит вновь, / Столица – наша Вера, Надежда и Любовь!»

Москва действительно улыбалась. Было ощущение удивительной доброжелательности всех, с кем приходилось общаться: сотрудниками Фонда им. Юрия Долгорукого, членами оргкомитета.

Эти четыре дня в столице вместили и экскурсии по Москве, и по Кремлю, посещение Третьяковской галереи, и дружеские деловые встречи в институтах, школах, редакциях газет. «На приеме в «Российской газете» нас ждал сюрприз, – вспоминает Нонна Одишвили, – мы рассказали о своей стране, городе, школе, о нашем центре им. Ж. Шартава. И вдруг Ядвига Бронеславовна Юферова, заместитель главного редактора «Российской газеты» и председатель оргкомитета Пушкинского конкурса, прервала меня: «Мы знаем и любим ваш центр! И бесконечно гордимся вами!» Ядвига Бронеславовна несколько минут рассказывала лауреатам из

разных стран о том, как в Грузии, в Рустави творческая интеллигенция и учителя русского языка национальных и русских школ сплотились и создали свой центр, объединенные общей целью – сохранить русский язык и русскую культуру, не дать прерваться традициям дружбы и взаимообогащения культур двух народов, так много значивших друг для друга на протяжении веков. Она поименно вспоминала лауреатов прошлых лет, членов центра им. Ж. Шартава.

– Знаете, что не переставало удивлять на всех

Лауреаты у памятника Пушкину

этих встречах в Москве? – Лали потрясенно пожимает плечами. – Как могли члены жюри, оргкомитета, виднейшие ученые, журналисты так хорошо помнить наши имена и даже цитировать наши работы?! Для нас это стало просто образцом неформального, заинтересованного, сердечного отношения к нам, учителям русского языка из зарубежья. К нашим судьбам, нашим проблемам!

– Да что скрывать, – смеется Нонна, – часто в повседневности ощущаешь себя этаким Акакием Акакиевичем Башмачкиным. Может быть влюбленным в свое дело, но, кажется, совсем незаметным, никому не нужным...

– И вполне заменимым, – добавляет Лали.

– А там в Москве, появилось чувство уверенности в себе, ценности того, чему мы посвятили свою жизнь, незаменимости каждого из нас как личности. За несколько дней в Москве мы обрели друзей. И уезжали с чувством общности людей, живущих в разных странах, но посвятивших свою жизнь одной цели – сохранить и передавать молодому поколению своих народов любовь к русской культуре, к языку, который был, остается и всегда будет другом, объединяющим людей доброй воли, вне зависимости от их национальности, вероисповедания, политических убеждений.

А я вспомнила строчки из конкурсных сочинений наших лауреатов: «Русский язык в Грузии не нуждается в том,

чтобы его навязывали из-под палки, – пишет Лали Тарашвили, – ведь стремление грузинского народа к овладению «великим и могучим» имеет глубокие исторические корни. Россия – страна, на языке и культуре которой во все времена воспитывались лучшие люди Грузии. И не только потому, что на нем были созданы величайшие сокровища мысли, но и потому, что русский был своеобразным «окном» в Европу, в мировую культуру. Я объясняю своим ученикам, что нельзя

День города

На торжественном приеме

изменить глобус: Грузия и Россия – соседи и таковыми останутся. А хороший сосед, как говорят грузины, ближе родственника, потому что и в беде, и в радости он придет раньше всех. И хотя мы сейчас «больны» разобщенностью, все же «старый друг, лучше новых двух». Я стараюсь внушить, что мы – люди, мы должны научиться любить друг друга, несмотря на политические заслоны и шлагбаумы. Потому что мир – один. Забвение не к лицу нам, веками воспитывавшимся на крылатой фразе – завещании великого Шота Руставели: «Кто себе друзей не ищет, самому себе он враг».

И как бы в продолжение раздумий Лали – строчки из сочинения Нонны Одишвили: «Может быть, это громко сказано, но я убеждена: я и мои коллеги растим новую Грузию, в которой не будет места разборкам между русскими и грузинами. Грузию, которая помнит и будет хранить традиции взаимного уважения и взаимной любви... Именно для этого я каждый день уже 12 лет вхожу в класс и говорю: «Здравствуйте, дети!» В этом «здравствуйте» я желаю своим ученикам не только физического, но и умственного, духовного, нравственного здоровья. И мой урок рассчитан не на 45 минут, а на всю жизнь».

И как бы в продолжение раздумий Лали – строчки из сочинения Нонны Одишвили: «Может быть, это громко сказано, но я убеждена: я и мои коллеги растим новую Грузию, в которой не будет места разборкам между русскими и грузинами. Грузию, которая помнит и будет хранить традиции взаимного уважения и взаимной любви... Именно для этого я каждый день уже 12 лет вхожу в класс и говорю: «Здравствуйте, дети!» В этом «здравствуйте» я желаю своим ученикам не только физического, но и умственного, духовного, нравственного здоровья. И мой урок рассчитан не на 45 минут, а на всю жизнь».

ВИКТОРИЯ ПОПОВА

ТБИЛИСОБА – 2006

Фоторепортаж А. Сватикова

ბოლოესაჲო თბოთობეზი მუჲსხენს

МИРНОВЪ

მიწნევის სევის მუჲსხენს

РУССКИЙ КЛУБ

გაერთიანებული ქართული ბანკი
UNITED GEORGIAN BANK

Address: 14 Chanturia Str. Tbilisi, 0102 Georgia

Telephone: (+ 995 32) 505-505

Fax: (+ 995 32) 505-500

E-mail: admin@ugb.com.ge

Internet: www.ugb.ge

 ბანკი ქართუ
CARTU BANK